ИСТОРИЯ МУЗЫКИ В ДОКУМЕНТАХ

Научная статья
УДК 929:78
DOI: https://doi.org/10.26176/mosconsv.2022.51.4.02

«Виза получена и спальное место задержано». Сергей Прокофьев и Николай Малько в поисках абсолюта

Наталия Павловна Савкина

Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского,
ул. Большая Никитская, д. 13/6, Москва 125009, Российская Федерация
nsavkina@mail.ru✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8208-1454

Аннотация: Цель статьи — представить новые сведения о контактах Сергея Сергеевича Прокофьева и Николая Андреевича Малько. Погружение в материалы переписки композитора и дирижера, хранящиеся в Архиве Сергея Прокофьева (Columbia University, New York), обогащает картину русского и европейского музыкального искусства, расширяет круг творческих интересов обоих корреспондентов, добавляет новые черты в облик дирижера и композитора. Штрихи к портретам, любопытные обстоятельства и случаи из чьей-то жизни имеют не только познавательную ценность; они — слагаемые на пути к возникновению новых концептов развития музыкального искусства. Главную содержательную нагрузку в переписке, в которую Прокофьев не слишком вовлечен эмоционально, несут письма Николая Малько. В них вырисовывается портрет музыканта с исключительно широким кругозором, для которого перфекционизм, интерес к различным сферам деятельности, стремление к постоянному обновлению были органичной чертой натуры. Именно в письмах Малько с его любовью рассказывать, с его воспоминаниями, с его историями о людях, глубокими музыкантскими наблюдениями концентрируется основная содержательность переписки.
В центре внимания обоих корреспондентов, чья карьера в Западной Европе развивалась успешно, — музыкальная жизнь в СССР. Обсуждаются ее привлекательные черты и трудности, которые пришлось и придется преодолевать. В переписке присутствуют деятели отечественного искусства, чиновники от музыки.
В этих письмах возникает ведущая для Прокофьева тема новаторства. Малько не сразу сумел найти интерпретационный код к монтажному (или блочному) типу драматургии композитора, он стремился овладеть этим принципом. Среди сюжетов переписки также возмущение Малько огромным количеством ошибок в материалах «Бориса Годунова» в авторской редакции, а также и в прокофьевских сочинениях. Здесь — портрет-зарисовка Йожефа Сигети, этюд о Гайдне, сюжеты из частной жизни: часы для дочки Малько, которые нужно не только купить, но и провезти через советскую границу (Прокофьевым эта практика уже освоена); попытки помощи сестре Мясковского.
Содержание переписки дополняют мемуары супруги дирижера: они обновляют существующие знания о Прокофьеве и Малько. Так, среди рассказов Берты Малько — отношение Прокофьева к музыке Шостаковича и к опере «Леди Макбет Мценского уезда».

Ключевые слова: Прокофьев, Малько, музыкальная жизнь в СССР, Дании, Чехии в 1920–1930 годы, русская эмиграция, «Леди Макбет Мценского уезда», сюита «Портреты», Гайдн

Благодарности: Сердечное спасибо Сергею Святославовичу Прокофьеву и Юрию Николаевичу Малько за разрешение публиковать архивные документы, Юрию Николаевичу Малько — за неоценимую помощь в работе над историческими источниками. Особая благодарность — Наталии Ермолаевой и Дженнифер Ли, сотрудницам Архива Сергея Прокофьева (Колумбийский университет, Нью-Йорк).

Для цитирования: *Савкина Н. П.* «Виза получена и спальное место задержано». Сергей Прокофьев и Николай Малько в поисках абсолюта // Научный вестник Московской консерватории. Том 13. Выпуск 4 (декабрь 2022). С. 678–735. https://doi.org/10.26176/mosconsv.2022.51.4.02.

Research Article

«Visa is Received and a Place in a Sleeping Car is Booked». Serge Prokofiev and Nicolai Malko: The Quest of the Absolute

Natalia P. Savkina

Tchaikovsky Moscow State Conservatory,
13/6 Bolshaya Nikitskaya St., Moscow 125009, Russian Federation
nsavkina@mail.ru✉, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8208-1454

Abstract: The main purpose of this article is to expose some new information about Prokofiev's correspondence with Nicolai Andreyevich Malko. Studying the composer and the conductor's letters from The Serge Prokofiev Archive (Columbia University, New York) has enlarged understanding of their creative interests' range, added new traits to the composer's and the conductor's figures, and also enriched the representation of Russian and European musical art.

Getting new pieces of information about personality, curious circumstances and life incidents have not only informative value, all of these components chart the course of the emergence of new concepts of musical art development.

The main narrative stem of the correspondence is found in Nicolai Malko's letters, while Prokofiev is not so emotionally involved. An image of a musician with an extremely wide outlook appears in these letters; he was the person, whose perfectionism, interest in various spheres of activity, and wish for constant renewal were organic features of his personality. It is Malko's letters with his love to narrate, with his recollections, with his stories about people and insightful music observations, that contain the essence of the correspondence.

Both correspondents, whose career in the West had been developed successfully, focused attention on musical life in USSR. They discussed its attractive features and obstacles that had to be overcome. In the letters they refer to people of art, officials of music.

In these letters, the Prokofiev's leading theme of innovativeness arises. Malko did not immediately manage to find an interpretive key to the montage-like (or "building-block") type of the composer's dramaturgy, but he strove to master this method.

Among the topics of the correspondence there is also Malko's indignation at the huge number of mistakes in *Boris Godunov*'s original version, as well as in Prokofiev's works. There are a sketch-portrait of Joseph Szigeti, an essay on Haydn, scenes of private life — a watch for the conductor's daughter, which must not only be bought, but also carried across the Soviet border (Prokofiev has already mastered this practice); attempts to help Myaskovsky's sister.

The content of the correspondence is supplemented by memoirs of the conductor's wife: they update the existing knowledge about Prokofiev and Malko. Thus, from the Berta Malko stories we learn about Prokofiev's attitude towards the music of Shostakovich and his opera *Lady Macbeth of the Mtsensk District*.

Keywords: Prokofiev, Malko, music life in the USSR, Denmark, Czech in the 1920s and 30s, Russian emigration, *Lady Macbeth of the Mtsensk District*, suite *Portraits*, Haydn

Acknowledgements: Heartfelt thanks to Sergei Svyatoslavovich Prokofiev and Yuri Nikolaevich Malko for permission to publish archival documents. I also thank Yuri Nikolaevich Malko for invaluable help in working on historical sources. Special thanks to project archivist Natalia Ermolaev and curator for performing arts Jennifer B.Lee (Serge Prokofiev Archive, Columbia University, New York).

For citation: Savkina, Natalia P. " 'Visa is Received and a Place in a Sleeping Car is Booked.' Serge Prokofiev and Nicolai Malko: The Quest of the Absolute." Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory 13, no. 4 (December): 678–735 (In Russian). https://doi.org/10.26176/mosconsv.2022.51.4.02.

Николай Андреевич Малько (1883–1961) был человеком разносторонне одаренным; в консерватории, куда он поступил, учась параллельно на старших курсах историко-филологического отделения Санкт-Петербургского университета, специализировался как пианист, дирижер и композитор. Будучи на 8 лет старше Прокофьева, обучался одновременно с ним (1904–1909) у тех же профессоров — Римского-Корсакова, Лядова, Черепнина. Сразу по окончании консерватории Малько был принят в Мариинский театр, где дирижировал, в том числе, всеми операми вагнеровского «Кольца» (в очередь с Э. Ф. Направником и Ф. М. Блуменфельдом). Выступал как пианист в ансамблях и соло[1]. В 1922/23 учебном году преподавал дирижирование и руководил оркестровым классом в Московской консерватории, одновременно являясь профессором Государственного института музыкальной драмы, вошедшего в состав ГИТИСа, где вместе с Мейерхольдом подготовил к постановке оперу «Каменный гость» Даргомыжского; в 1925–1929 годах Малько был профессором оркестрового и дирижерского классов Ленинградской консерватории[2].

В огромном репертуаре дирижера главное место занимала музыка современных композиторов. Он играл молодого Шостаковича, Мясковского, Прокофьева. Среди других композиторов XX века — Стравинский, которого он неустанно открывал слушателям, Хиндемит, Онеггер, Шенберг, Кшенек, Берг, Р. Штраус, Попов, Мосолов, Дешевов.

Это его палочка впервые вызвала к жизни таинство, известное по описанию классика: «В полной тишине пробормотала засурдиненная труба, сонно откликнулся фагот, заговорил кларнет. И развернулась торопливая дискуссия инструментов, где каждый хотел сказать все сначала» [1, *27*]. И Вторую Шостаковича представил публике тоже Малько.

Наконец, это Николай Андреевич в 1928 году заключил случайное пари с Дмитрием Дмитриевичем, который в тот вечер был его гостем. Условия были жесткими: сто рублей и час времени, оркестровать по памяти. В результате счастливого проигрыша Малько родилась одна из самых чудесных оркестровых пьес Шостаковича — Таити-Трот ор. 16 (переложение песни В. Юманса «Tea for two»)[3]. По удачной идее А. В. Гаука эта пьеса вводится в постановки балета «Золотой век».

...Ему было интересно всё, даже служба чиновника. С конца 1926 года недолгое время Малько занимал пост директора Ленинградской филармонии. Он сумел заключить с Прокофьевым такой договор, который композитор одобрил и это сделало реальной его первую поездку в СССР. Малько прислал Прокофьеву главное: *окончательную, фактическую бумажку,* которая от имени Комиссариата иностранных дел обещала стопроцентно свободный выезд из СССР. Именно Малько 19 февраля 1927 года на сцене Ленинградской филармонии представил публике вернувшегося через почти десятилетие Прокофьева и провел с ним

[1] В одном из писем Прокофьеву Малько сообщает, что готовит клавирабенд, где будет играть в том числе и сочинения «одного четвертитоновика».

[2] Среди его учеников — Е. Мравинский, А. Мелик-Пашаев, Б. Хайкин, И. Мусин, Л. Гинзбург, Е. Микеладзе, Н. Рабинович, И. Шерман.

[3] Рассказывают, что Шостакович уложился в 45 минут. Отсутствие в пьесе значительного развития напоминает об этих 45 минутах.

концерт. С Малько Прокофьев охотно играл всегда: «С Вами я эпически спокоен»[4]. Благодаря Малько Ленинградская филармония выплатила Российскому музыкальному издательству[5] гонорары за контрафактные исполнения сочинений композитора в филармонических концертах со времен революции до 1927 года (бухгалтерия посчитала и выслала всю сумму в РМИ).

Среди музыкантов своего времени Малько был вероятно одним из рекордсменов по путешествиям. Свободно говоря на восьми языках, он постоянно передвигался между Европой и Америкой, география его путей была чрезвычайно прихотливой (Вена, Прага, Лондон, Буэнос-Айрес). В Копенгагене он был главным приглашенным дирижером Оркестра Датского радио и за короткое время превратил его в коллектив очень высокого уровня, свободно владеющий любым стилем. Туда, в Копенгаген к нему приезжали Стравинский, Прокофьев, Хиндемит, Руссель.

С 1940 года дирижер работал в США; в 1954 сделал неожиданный ход в обратном направлении — в Великобританию, а в 1957 году вдруг принял предложение стать главным дирижером Сиднейского симфонического оркестра. И везде, где бы Малько ни останавливался, вокруг него вырастала музыкальная столица с высочайшими артистическими стандартами.

Взаимоотношения композитора и дирижера не всегда были безоблачными. В 1916 году к постановке в Мариинском театре готовился «Игрок». Малько заведовал в театре перепиской нотного материала; процесс затягивался, и это очень раздражало Прокофьева. «С Малько мы раза три говорили по телефону, но ноты литографировались черт знает как, и Малько не всегда знал, в каком положении дело. Наконец я возмутился непорядками и сказал, что литографистку Семечкину надо не просить, а просто повесить. В ответ Малько повесил не литографистку, а телефонную трубку, и с того момента отношения с Малько приняли враждебный характер. <...> А, чтобы черти побрали и Малько, и всю эту беспардонную нотную библиотеку» [7, *618, 619*]. Проволочки в процессе изготовления нот могли объясняться тем, что Малько не был назначен дирижировать «Игрока», а он восторгался оперой и очевидно в отместку избрал тактику тихого саботажа.

Небольшая, с пропусками, переписка, сохранившаяся в Serge Prokofiev Archive[6], охватывает всего 7 лет (1927–1934), при этом краткие периоды обмена письмами чередуются с довольно большими перерывами. Нет, они не испытывали большой тяги к постоянному эпистолярному общению и возобновляли письменные контакты в основном по необходимости. Интеллектуальное пространство их переписки общее, но драматургический рельеф целого создается разностью между лаконичным, сосредоточенным на деле Прокофьевым и Малько, который не жалеет времени на экстравертные монологи. Игра несоответствий этого

[4] Из письма Прокофьева Малько от 22 октября 1932 года.

[5] Все денежные дела Прокофьева, связанные с нотным материалом и исполнениями его сочинений, проходили через РМИ.

[6] Serge Prokofiev Archive (далее: SPA) — собрание документов композитора; с 2014 года находится в Колумбийском университете (Нью-Йорк).

эпистолярия развивается в ритмичных чередованиях увлеченно рассказываемого и сообщаемого лаконично. Эмоциональность дирижера ответного отклика в Прокофьеве не вызывает, хотя его письма дружелюбны (если не задето авторское *я*). Композитор предпочитает ограничиваться деловыми вопросами и в этой сфере безукоризнен. Именно в письмах дирижера с его острой наблюдательностью, со своими и чужими воспоминаниями, историческими анекдотами, уникальными суждениями о музыке, склонностью к эмоциональным высказываниям — концентрируется основная содержательность переписки.

Письма двух музыкантов, рассматриваемые как гносеологический инструмент, позволяют в перемежающемся контрапункте тем и образов узнать, помимо деловых вопросов и неизвестной фактологии, о взглядах обоих на творчество, о гибких творческих стратегиях в разнонаправленно меняющейся действительности.

На первый план в этой переписке выходят поездки в СССР. Малько стремится возобновить и упрочить связи с концертными организациями страны, которую совсем недавно покинул (впервые упоминание об этом встречаем в письме дирижера от 6 ноября 1932 года, но по тексту видно, что тему эту они обсуждают не впервые). Прокофьев фактически уже находится в стадии возвращения, постоянную квартиру в Москве он начал подыскивать, как можно судить по его доступной на сегодняшний день переписке, в 1929 году. По мере возможностей он помогает Малько. Здесь к дирижеру и композитору присоединяется супруга Малько Берта[7]. В контексте возобновления контактов с советскими театрами и концертными организациями, а также как творческое предложение композитору она пишет либретто балета о новой жизни: «...я думала о Вашем желании найти героический сюжет, в котором участвовали бы массы, и мне захотелось сочинить такое»[8].

...Урожденной Берте Израилевне Уник (1902–2000) повезло: ее отец сумел выправить нужные документы, и паспорт был ей выписан на имя Берты Александровны. «Когда мы получили разрешение уехать из Дании в 1940-ом году, немцы выдали нам пропуск, и мы полетели в Берлин. В 1940 году! Восточного фронта еще не было. Нас задержали на три часа, мама, как мне рассказали (мне было 4 года), держалась великолепно, и нас выпустили, не зная, что она еврейка», — рассказал об отъезде семьи из Европы в Америку сын Берты и Николая Малько, Юрий[9].

Воспоминания Берты Малько вышли на английском языке [12], русский первоисточник Юрий Николаевич ко времени подготовки этой публикации

---

[7] Будущая супруга дирижера в период работы Малько в Харьковской консерватории (1923/24 учебный год) училась там как пианистка. Педагог был старше девушки на 20 лет. В 1935 году в Копенгагене у них родился сын Юрий. Небольшие воспоминания Берты Малько о Прокофьеве были опубликованы. См.: [12, *3–8*].

[8] Из письма Берты Малько Прокофьеву от 29 июля 1933 года.

[9] Из письма Ю. Н. Малько автору этой статьи от 24 ноября 2020 года.

Юрий Николаевич Малько (George Malko, род. 1935) — сценарист, драматург, писатель, журналист. Среди его работ — сценарии для художественных фильмов, сериалов кино и телевидения. Он сотрудничал с Б. Бертолуччи (фильм «Луна»). Переводчик Чехова на английский язык. Автор переводов с французского, итальянского, русского.

не нашел — кроме крошечного, но важного эпизода о Шостаковиче. Однако многое из воспоминаний матери Юрий Малько использовал в своей одноактной пьесе «Куда, куда?», существующей в русской и английской версиях[10]. Цитаты из мемуаров Берты Израилевны здесь приведены преимущественно по тексту пьесы, для того чтобы избежать обратного перевода. Случаи, когда отрывки взяты из английской публикации, специально оговорены.

Воспоминания Берты Малько дополняют переписку музыкантов. Так, она пишет в связи с вопросом о возвращении в СССР: «Прокофьев боялся, что без родины его источник творчества иссякнет. Он, как Илья Муромец, который рос не по дням, а по часам, должен был прикоснуться к родной земле, чтобы набраться новых сил» («Куда, куда?», с. 38).

В связи с этим сравнением в памяти сама собой всплывает статья Сержа Море, написанная, как многие воспоминания французских мемуаристов о Прокофьеве, в 1953 году[11]. Стилистически этот пассаж мало похож на речь композитора; подобные образы начинают изредка появляться в его текстах в это время точечными вкраплениями. Если говорить о С. Море, то клишированность и пространность слишком литературного высказывания без сомнения нужно приписать мемуаристу. Образы, которые упоминает Берта Малько, — из ряда подобных.

Первым говорить о музыке в этой переписке всегда начинает Николай Андреевич. Сергей Сергеевич откликается только однажды — для того чтобы, использовав привычную тактику нападения и не забыв обидеть собеседника, отстоять свое сочинение.

В этой переписке развивается тема прокофьевского новаторства. Малько с трудом вживался в тот тип драматургии Прокофьева, который не вполне точно называют монтажным или блочным. Дирижер просил прислать ему какие-нибудь материалы о «Портретах» для предстоящих репетиций и концерта 15 ноября 1933 года. В комментариях, аннотациях автора он надеялся найти интерпретационный код к непривычной природе сочинения. Позднее Малько с успехом исполнял «Портреты», но мнение его о Прокофьеве-драматурге сто́ит здесь привести, хотя оно не связано с блочной драматургией. В письме к своему ученику И. Шерману от 16 апреля 1962 года, упомянув о том, что Прокофьев скоро станет классиком, он добавляет: «Простят ему отсутствие симфонизма» [3, *329*]. Позднейшую прокофьевскую конвенциональность, характеризующую одно из двух главных

[10] Написанная в 2001 году пьеса была поставлена в США и Дании на английском языке. Русская версия (*Малько Ю. Н.* «Куда, куда?»: пьеса в 1 акте. 2001. Рукопись. 42 с.) еще ждет своего воплощения на сцене.

[11] Море цитирует целый монолог Прокофьева: «...Я должен снова вжиться в атмосферу родной земли. Я должен снова видеть настоящие зимы и весну, вспыхивающую мгновенно. В ушах моих должна звучать русская речь, я должен говорить с людьми моей плоти и крови, чтобы они вернули мне то, чего мне здесь недостает: свои песни, мои песни. Здесь я лишаюсь сил» [5, *377–378*]. Х. М. Браун, американский музыковед, рассказывал, что он встречался с вдовой С. Море и просил ее найти для него черновую запись этой статьи: тон Прокофьева в этих воспоминаниях казался ему неестественным для композитора. Черновик не нашелся.

направлений стиля последнего периода, дирижер также критиковал; например, он говорил о «штампах и приемах» в «Войне и мире» [3, *326*].

Восхищение Николая Андреевича Гайдном удивительно перекликается с позднейшим признанием Прокофьева об австрийском классике. Двое музыкантов засвидетельствовали слова Прокофьева о том, что Гайдн — наиболее близкий ему композитор[12].

В переписке двух корреспондентов немало неожиданного: портрет-зарисовка Й. Сигети, возмущенные инвективы Малько по поводу огромного количества ошибок в материале «Бориса Годунова» в авторской редакции, а также в оркестровых материалах прокофьевских сочинений. В письме от 16 января 1934 года Прокофьев взывает к дирижерам: играть нужно не Пятую, а Тринадцатую симфонию Мясковского! Здесь же — культурная жизнь в СССР и ее начальники, биографии большинства из которых заканчиваются 1937–1938 годами; плохое состояние филармонии в Москве; развивающееся радио, с которым есть смысл сотрудничать; новый аппарат для записи звука. Картинки практической жизни: часы для дочери Малько, попытки помощи сестре Мясковского.

Берта Малько касается в своих воспоминаниях сюжетов, которые дополняют переписку, существующие знания о Прокофьеве и вообще о музыкальной жизни Европы 1920-х — 30-х годов.

Однажды она сказала Прокофьеву, что слышала в Лондоне Хиндемита и что, к ее удивлению, он начал писать лирическую музыку. Композитор ответил: «Все мы грешные стали лириками». Потом добавил: «Вот и я написал “Симфоническую песнь”. Кусевицкому она не понравилась. Я ему ответил, “Ты ничего не понимаешь”.

Я так и не знаю — будет ли он ее играть» («Куда, куда?», с. 35).

Слова «Ты ничего не понимаешь» — прокофьевское средство самоутверждения; он употреблял их нередко. Однако постепенно Прокофьев, по словам Берты, «становился мягче и, как сам говорил, отказался от самовозвеличивания» [12, *7*][13]. Она писала мужу, что Прокофьев, видимо, будет продолжать сочинять вещи, в которых сентиментализм станет преобладать.

В ответ на признание Берты о том, что в Третьей симфонии она не поняла первой части, Прокофьев сказал: «Ничего, вы еще развиваетесь». Мемуаристка продолжает: «Мне рассказывали, что он часто в таких случаях прибавлял: “Поливать вас надо, тогда вырастете”» («Куда, куда?», с. 26).

Слушателей своих композитор часто рассматривал как паству, которая нуждалась в его вразумлении. Получив вяло-критический отзыв Дукельского на Пятую фортепианную сонату, он ответил ему советом развиваться. Тот же совет однажды получил от него и Малько.

---

[12] В ответ на вопрос Мстислава Ростроповича о любимом композиторе Прокофьев назвал Гайдна [10, *475*]. Такое же суждение Прокофьева приводит Б. Монсенжон, ссылаясь на слова С. Рихтера.

[13] Перевод мой. — *Н. С.*

Указание «поливать» и другие декларации Прокофьева говорят о том, что он рассматривал слушательскую рецепцию в плоскости музыкально-исторической, иначе говоря — как процесс. По поводу эволюции восприятия музыки в масштабах личностного роста слушателя/музыканта и человечества в целом он высказывался неоднократно, в наиболее концентрированном виде — в письме 1916 года. «Человеческий слух, а может даже ухо эволюционирует непрерывно, и разгадка Вашего непонимания в том, что игрой природы я на скале его эволюции брошен на несколько делений вперед в сравнении с Вами»[14].

О трудном и задиристом характере композитора супруги Малько, конечно, тоже говорили. Николай Малько соглашался, что все искупает музыка Прокофьева. Берта пыталась найти объяснение. Она напоминала, что соученики Прокофьева в консерватории были на 8–10 лет старше него. Вероятно, мальчиком он от этого страдал, отсюда его колючесть и постоянная готовность атаковать людей. Агрессивность Прокофьева как защитная маска — миф давний.

Одна из встреч четы Малько и Прокофьева в Париже совпала по времени с началом кампании в СССР против «Леди Макбет». Рассказывали, что Сталина опера возмутила. «Прокофьев предполагает, что нашептал Сталину Асафьев», — сообщает Берта («Куда, куда?», с. 37). Об отношении Прокофьева к Шостаковичу Берта Израилевна написала: «Я помню, что С. С. его не любил и очень резко говорил мне об опере (“Леди Макбет”). Помню, мы были на вокзале (я, верно, его куда-то провожала), мы шли вдоль поезда, и он с отвращением говорил о сцене, где Катерина проводит ночь с Сергеем: ну прямо сексуальная музыка, он просто описывает страстную встречу (я не помню точно его выражений)»[15].

Удаленный во второй редакции «Игрока» дуэт, который прозвучал в постановке Г. Н. Рождественского 2001 года показывает, что музыка могучей любовной страсти удавалась Прокофьеву замечательно, но, как известно, лирика такого рода из его творчества очень рано начинает уходить. Упоминания о естественном

[14] Из письма Н. Н. Энгельгарду от 19 октября 1916 года. Цит. по: [5, *327*].

[15] Процитировано по фрагменту машинописного текста Берты Израилевны; это единственный фрагмент на русском языке, обнаруженный Юрием Николаевичем в бумагах матери.

Возможно, по причине неприятия такого рода музыки уже в 1920-е годы во второй редакции «Игрока» Прокофьев сократил до нескольких тактов любовный дуэт в последней картине, написав в Дневнике: «...Почти кончил переделку последней картины. <...> Перешагнул через самое опасное место — через объятия Алексея с Полиной. В старой редакции оно было развито у меня в грандиозный половой акт, но ведь половой акт — самая несценичная вещь на свете! Режиссер ломает себе голову — как бы сделать это в границах деликатности и, с другой стороны, достаточно ясно, а зритель чувствует себя неловко и не знает, куда смотреть. Так или иначе, этот момент на сцене не вызывает у публики удовольствия, а лишь любопытство или неловкость. Поэтому в новой редакции я сделал гораздо скромнее, сразу оборвав на высокой ноте — зато музыкально будет лучше; сценическое же впечатление — не то поцелуй, не то порыв нежности, — вообще заретушевано» (запись от 10 февраля 1928 года) [8, *621*].

взрослении, а больше — о смене приоритетов, как и о влиянии Христианской науки, здесь вполне уместны.

Мемуаристка вспоминает о том, как однажды, когда они были в Киеве (1927), Малько заметил, что Прокофьеву сегодня вечером играть, а он не занимается. Композитор ответствовал: «Мне не надо, это как с велосипедом, раз научился — умеешь всю жизнь. Тем более, я играю свои произведения» («Куда, куда?», с. 14). Возможно, он немного рисовался перед четой Малько; дневниковые записи свидетельствуют о его волнении перед пианистическими выступлениями. Христианская наука стала действенным средством борьбы со страхами, но полностью устранить их она не могла.

Воспоминания Берты, датируемые 1938 годом, содержат эпизод, который должен ввергнуть в изумление всех знакомых с мемуарными описаниями Прокофьева. Однажды в ресторане композитор много танцевал с ней, комментируя па, которым недавно выучился и выполнение которых занимало его до чрезвычайности. Многие воспоминания о Прокофьеве сообщают, что он очень плохо танцевал. Существуют версии, объясняющие этот удивительный феномен[16]. От обыкновенной богини Улановой до красавицы пианистки Инны Калегорской дамы единодушно сообщали о неспособности Прокофьева к танцам, о его неритмичности и об испорченных туфельках. И только Берта Малько написала, вспоминая их времяпровождение в пражском ресторанчике в январе 1938 года: «...Он выучился танцевать очень хорошо (!! – *Н. С.*), но приводил меня в бешенство разнообразными теоретическими сведениями и ремарками. Я поддразнивала его, говоря, что он не слушает музыку, а считает шаги» [12, *8*] (перевод с англ. мой. — *Н. С.*).

Оказывается, они любили вместе ходить в кино в разных европейских городах. Близорукий Прокофьев как-то предложил Берте переместиться ближе к экрану. Когда она, не говоря ни слова, встала и направилась вперед, он сказал: «Какая Вы послушная. Моя жена ни за что бы не согласилась» («Куда, куда?», с. 33).

Прокофьев и его музыка занимали мысли Николая Андреевича Малько и после того, как они вовсе перестали видеться[17].

В условиях стремительно сменявших друг друга культурно-исторических контекстов жизненные и творческие стратегии каждого, прежде всего Прокофьева, приходилось подвергать пересмотру, подчиняясь неумолимо наступающим переменам. Однако сохранившиеся в SPA письма начинаются совсем в другую пору, в 1927 году, с январской телеграммы Малько по поводу приезда Прокофьева на гастроли в СССР. Этой телеграммы Прокофьев долго ждал.

[16] Одну из них выдвинул Сергей Михайлович Эйзенштейн: Прокофьев «настолько привык к разложению ритма, что обыкновенный, нормальный человеческий ритм для него труден, у него под это ноги не ходят» [11, *594*].

[17] Последний раз Прокофьев виделся с супругами Малько в 1938 году.

1
Малько — Прокофьеву

Prokofieff 18, r. Troyon Paris.
Получено 2 января.

Leningrad
2–1–1927

[Телеграмма]
LENINGRAD
LETTRE 23 DÈCEMBRE REÇUS D APRÈS RENSEIGNEMENTS REÇUS DU COMMISSARIAT AFFAIRES ÉTRANGÈRES ON ASSURE QUE AUTORISATION VOTRE ENTRÉE ET DEPART DE URSS VOUS SERA ACCORDÉE INSTRUCTION NÉCESSAIRES SERONT DONNÉES DIRECTEMENT NOTRE AMBASSADE PARIS SEMAINE COURANTE MALKO[18].

2
Прокофьев — Малько

7 янв<аря>

Visas reçus remercie. Prokofieff[19].

3
Договор[20]

Ленинград 1927 г. февраля 9 дня мы, нижеподписавшиеся, Государственная Академическая Филармония, именуемая ниже «Филармония» в лице директора Малько с одной стороны, и композитор-пианист С. С. Прокофьев с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. Филармония приглашает С. С. Прокофьева для выступлений на эстраде Филармонии в четырех концертах (2-х симфонических — 12 и 19 февраля и клавирабендах — 17 и 22 февраля).

2. Означенные концерты имеют место в Большом зале Госакфилармонии.

ПРИМЕЧАНИЕ: К каждому концерту С. С. Прокофьеву предоставляется ... репетиций.

3. Программы концертов вырабатываются по соглашению с Филармонией.

4. Состав оркестра Филармонии определяется в 72 инструмента. В случае требования по партитурам исполняемых произведений добавочных инструментов, а также хора и солистов, таковые, по требованию дирижера, предоставляются Филармонией.

---

18 «Письмо от 23 декабря получено. Согласно информации, полученной от комиссариата иностранных дел, дается гарантия, что разрешение на въезд и выезд из СССР будет вам предоставлено. Необходимые инструкции будут отправлены непосредственно в наше посольство в Париже на этой неделе. Малько» (фр.). ID:SPA_4525 (здесь и далее — шифры каталога SPA).

19 «Визы получили. Спасибо. Прокофьев» (фр.). ID:SPA_4526.

20 Судя по всему, это копия Договора, выданная Прокофьеву по его просьбе. Подписей внизу нет, не указано и количество репетиций. Фамилии проставлены рукой делопроизводителя.

5. Вознаграждение С. С. Прокофьева определяется из расчета по 500 руб. за каждый концерт, а всего 2.000 рублей или 1.026 долларов, каковая сумма уплачивается Филармонией немедленно по окончании гастролей С. С. Прокофьева. Помимо означенных 1026 долларов уплачивается С. С. Прокофьеву за прокат нот 159 долларов, стоимость дороги от Парижа в Ленинград и обратно и комната[21] в Европейской гостинице.

6. Филармония обязуется по требованию С. С. Прокофьева перевести за границу весь причитающийся ему гонорар, исходатайствовав для этой цели заблаговременно разрешение в Особом Валютном Совещании при Наркомфине СССР[22].

7. С. С. Прокофьев обязан прибыть в Ленинград не позже 9 февраля с.г.

8. В случае неявки С. С. Прокофьева на один из указанных в п. 1 концертов по неуважительным причинам, а равно в случае отмены какого-либо концерта по вине его, С. С. Прокофьев несет перед Филармонией ответственность в размере всей суммы убытков действительно понесенных Филармонией от таковой отмены, причем в этом случае настоящий договор Филармонией может быть расторгнут.

9. В течение всего указанного в п. 1 срока действия настоящего договора С. С. Прокофьев не имеет права выступать, где бы то ни было в другом месте без письменного на то согласия Филармонии. В случае нарушения С. С. Прокофьевым настоящего пункта, Филармония считает договор расторгнутым.

10. Все споры и претензии из настоящего договора вытекающие рассматриваются надлежащими судебными установлениями в г. Ленинграде и разрешаются по нормам Советского права.

11. Гербовый сбор по сему договору в сумме двенадцати рублей уплачивается С. С. Прокофьевым.

12. Юридическими адресами сторон являются: Ленинград, улица Лассаля, д. 2[23], С. С. Прокофьева ...

13. Подлинный договор хранится в делах Филармонии, а С. С. Прокофьеву по его просьбе выдается копия.

Подп.: Директор Государственной Академической Филармонии Н. Малько.

г. м.[24] на 12 рублей С. Прокофьев

С подлинным верно
Делопроизводитель <...> [неразборчиво. — *Н. С.*]
Печать[25]

---

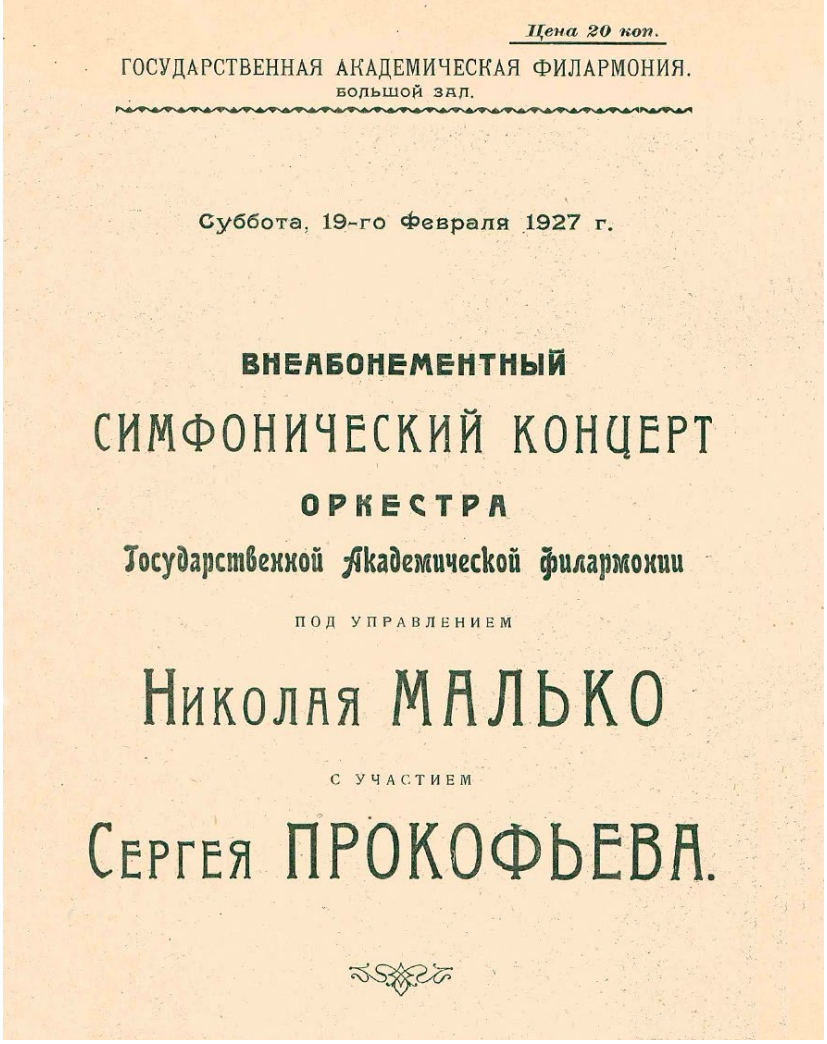
[21] Комнатой тогда называли полноценный гостиничный номер.

[22] Когда с переводом советских гонораров Прокофьева за границу возникли трудности (Большой театр, например, не мог выплачивать их в иностранной валюте), композитор ввел практику перевода денег из этих гонораров в рублях нуждавшимся родственникам в СССР.

[23] По этому же адресу — Михайловская улица, дом 2 (историческое название улице, переименованной в 1918 году, было возвращено в 1991 году) — Филармония располагается и сейчас.

[24] Гербовая марка.

[25] ID:SPA_4584.



Цена 20 коп.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛАРМОНИЯ.
БОЛЬШОЙ ЗАЛ.

Суббота, 19-го Февраля 1927 г.

ВНЕАБОНЕМЕНТНЫЙ
СИМФОНИЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ
ОРКЕСТРА
Государственной Академической филармонии
ПОД УПРАВЛЕНИЕМ
Николая МАЛЬКО
С УЧАСТИЕМ
Сергея ПРОКОФЬЕВА.

Ил. 1. Концерт Симфонического оркестра Ленинградской государственной филармонии под управлением Николая Малько, солист — Сергей Прокофьев. Большой зал Ленинградской государственной академической филармонии, 19 февраля 1927 года

В программе произведения С. С. Прокофьева:
Увертюра для камерного оркестра из 17 инструментов си-бемоль мажор соч. 42 (*первое исполнение*)
Концерт для фортепиано с оркестром № 2 соль минор соч. 16, 2-я редакция (*первое исполнение*)
Симфония № 1 ре мажор «Классическая» соч. 25, 2-я редакция
Сюита из оперы «Любовь к трем апельсинам» соч. 33

Figure 1. Concert of the Leningrad State Philharmonic Symphony Orchestra conducted by Nicolai Malko, soloist — Serge Prokofiev

The program includes the works by Serge Prokofiev:
Overture for chamber orchestra of 17 instruments in B-flat major, Op. 42 (first performance)
Piano Concerto No. 2 in G minor, Op. 16, 2nd edition (first performance)
Symphony No. 1 “Classical” in D major, Op. 25, 2nd edition
Suite from the Opera “The Love for Three Oranges”, Op. 33

4
Расписка

Отпущено С. С. Прокофьеву для передачи Ленгосфилу следующий прокатный материал:

С. С. Прокофьев ор. 16 Второй концерт Партитура и голоса. 41

С. С. Прокофьев ор. 21 Сюита «Шут». Партитура и голоса. 63. Количество голосов 62 голоса.

С. С. Прокофьев ор. 33 Сюита <из> «Апельсинов». Голоса. Количество 54.

С. С. Прокофьев ор. 25 Классическая симфония. Голоса количество 34.

С. С. Прокофьев ор. 42 Увертюра 1 партитура 20 голосов.

8/II–1927 года

Ноты получены в филармонию согласно прилагаемого списка.

Малько
9.II.27

Необходимо немедленно в Москву [другой почерк. – *Н. С.*][26].

5
Прокофьев — Малько

Serge Prokofieff,
c/o Guaranty Trust Co,
3, rue des Italiens,
Paris, IX.
15.VI. 1927.

Николаю Андреевичу Малько,
Ленинградская Государственная Филармония,
Ул. Лас<с>аля 2, Ленинград.

Многоуважаемый Николай Андреевич,

Ленинградская Филармония осталась должна мне некоторую сумму за прокат нотных материалов и мой проезд. Эту сумму Вы обещали перевести мне в течение Марта месяца. Будьте добры сделать этот перевод по возможности безотлагательно, ибо, опираясь на Ваше обещание, я по возвращении в Париж внес Российскому Музыкальному Издательству сумму, причитавшуюся ему от Ленгосфила. Переводя деньги, не откажите прислать мне общий расчет между Ленгосфилом и мной. (Подробный расчет между Ленгосфилом и Российским Музыкальным издательством Вы мне уже передали).

Жму Вашу руку.

Уважающий Вас[27]

[26] ID:SPA_4582.

[27] ID:SPA_4862. Письма Прокофьева, хранящиеся в его архивах, — это почти всегда копии (вторые экземпляры, напечатанные под копирку) посланий, отправленных различным адресатам. Копии эти композитор не подписывал.

6

Р.С.Ф.С.Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛАРМОНИЯ.

16 июня 1927 г.
№ 1427
Г. Ленинград.
Улица Лассаля, 2
Телеф. № 1–34–18
Получено 21 июня

Гр-ну С. С. Прокофьеву
г. Париж IX.
3, rue des Italiens
c/o Guaranty Trust.

Многоуважаемый Сергей Сергеевич.

Управление Ленинградской Государственной Академической Филармонии, заканчивая разработку плана на предстоящий сезон и имея в виду Ваше принципиальное согласие на выступление в двух концертах, просит Вас не отказать сообщить, в какое время таковые выступления возможны.

Директор Гос. Акад. Филармонии Малько (подпись)
(Малько)
Зав. конц.-экспл. частью — (Б. Хаис)[28]. Подпись[29]

7

Прокофьев — Малько

22 августа 1927 г.
Ленинградская Государственная
Филармония
Ленинград, ул. Лассаля 2.

Многоуважаемый Николай Андреевич,

Прошу Вас извинить меня, что до сих пор не ответил на Ваше письмо от 16-го июня с. г., но, к сожалению, до настоящего времени у меня ничего еще не выяснено относительно предстоящей моей поездки в СССР.

Письмом от 13 августа управляющий делами Филармонии известил меня, что Филармония встречает затруднения с переводом мне за границу оставшейся за нею суммы в 610 рублей. Идя навстречу высказанному в этом письме пожеланию, я прошу Вас не переводить мне за границу части этой суммы, а именно 250 рублей, которые я постараюсь распределить в пределах СССР. Оставшиеся же 360 рублей, которые причитаются не мне, а Российскому Музыкальному Издательству за прокат нотных материалов, прошу Вас не отказать перевести в Париж. Хотя я означенную сумму уже выплатил издательству немедленно по приезде из СССР, все же я предпочел бы, чтобы Вы перевели эту сумму не мне, а на имя

[28] Борис Эммануилович Хаис — администратор; заведующий концертной частью, в 1940-е годы — директор Большого зала Ленинградской филармонии.

[29] ID:SPA_4865.

Издательства (Grandes Editions Musicales, 22, rue d'Anjou, Paris, VIII, France), дабы не обременять Валютное Совещание ходатайствами о переводе мне тех денег, которые по существу мне не причитаются. Я полагаю, что этим путем Вы даже легче получите разрешение, Российское же Музыкальное Издательство немедленно возместит мне эту сумму, как только получит ее от Вас.

Из 250 рублей, которые я выше просил оставить в кассе Филармонии в моем распоряжении, прошу Вас перевести 100 (сто) рублей между 5-м и 10-м сентября Екатерине Григорьевне Раевской[30], Москва, Арбат 5, кв. 10.

С пожеланиями всего наилучшего, уважающий Вас[31]

8
Берта и Николай Малько — Прокофьеву
[Открытка].

5 Val<entin> Haüy
24.01.1932.
Получено 26 января

Милый Сергей Сергеевич! Спасибо за привет из Нюренберга. Этот город действительно замечателен, мы там провели неделю летом и также наслаждались его видом. Мне говорил Mr. Hippman[32], что они Вам послали уже фотографии, я очень огорчена, что так отвратительно вышла. Программы Лондонского концерта пришлю Вам. Сердечный привет Лине Федоровне[33] и Вам.

Берта Малько[34].

[Продолжение той же открытки]:

Дорогой Сергей Сергеевич! Во-первых, от Вашего имени поблагодарил оркестр филармонии в Праге[35]. Если не должен был, напишите. Во-вторых, не сообщите ли мне (абсолютно конфиденциально) за какой minimum приехали бы в Kopenhagen (в симф.)[36]. Я обещаю не назвать этой суммы, а лишь для ориентировки. А Kopenhagen город не скверный. Вот Боровский[37] уже второй раз приезжает

---

30 Екатерина Григорьевна Раевская (урожд. Житкова) — тетя Прокофьева, родная сестра его матери, Марии Григорьевны. См. статью автора: «Каждая счастливая семья...» //Научный вестник Московской консерватории. Том 4. Выпуск 2 (Июнь 2013). С. 5–49.

31 ID:SPA_5009.

32 Возможно, Mr. Hippman — это фотограф? Концерт в Праге был парадный, с полпредством и банкетом, которым Прокофьева чествовал клуб чешских композиторов. Фотографии, запечатлевшие банкет, сделаны явно профессионалом. Mr. Hippman, как значится в каталоге Колумбийского университета, отправлял Прокофьеву почту 11, 13 и 17 января.

33 Отчеством «Федоровна» Берта Малько наградила Лину по ошибке. На русский лад супругу Прокофьева называли Линой Ивановной, используя общепринятый способ русификации имени ее отца — Хуан.

34 ID:SPA_9302.

35 Прокофьев выступал с оркестром Праги. 11 января они с Малько «разыгрывали» 3-й фортепианный концерт.

36 Малько имеет в виду участие Прокофьева в симфоническом концерте.

37 Александр Кириллович Боровский (1889–1968), русский пианист-виртуоз, соученик Прокофьева по Петербургской консерватории, талантливый интерпретатор его произведений. В 1920 покинул Россию; концертировал в Западной Европе и США.

на серию концертов. А я с этой фортепианной фирмой[38] знаком. Мне просто очень хочется, чтобы Вы там играли, остальное сообщите Вы сами.

Приветы. Ваш Малько[39]

9

Прокофьев — Малько

Н. А. Малько,
London

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France.
1 Февраля 1932.

Дорогой Николай Андреевич,

Спасибо большое Берте Израилевне и Вам за открытку из Голландии. Я сам как раз туда ездил концертировать и теперь вернувшись спешу ответить Вам на копенгагенские вопросы.

Какие условия для выступления в симфоническом?

Я бы сказал триста долларов. 250 уже не особенно интересно, ввиду дальности дороги, но в крайнем случае, для завязки знакомства можно согласиться. Меньше 250 — не желательно. Хорошо бы, если к симфоническому можно было пристегнуть камерный с участием Лины Ивановны. В Январе 1933 я стараюсь наладить поездку в Америку, поэтому дату лучше выбрать до этого времени.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам успеха в лондонском выступлении; черкните, как у Вас пройдет концерт с Сигети[40]. Берте Израилевне целую ручку, а жена шлет Вам обоим привет.

Ваш

Получили ли Вы партитуру моей III симфонии от издателя?

10

Малько — Прокофьеву

9.04.1932.
До 1-го мая: Lucemburská 28, Praha XII.
Потом, пока нет нового адреса:
Česka Filharmonie , Revolučni 1, Praha
Получено 12 апреля

Дорогой Сергей Сергеевич!

В свое время я говорил с директором Статсрадиофониен[41] в Копенгагене Каммерзангером Эмилем Хольмом[42] о Вас и вокальных вечерах

38 Неизвестно, о какой фортепианной фирме речь.

39 ID:SPA_9303.

40 Йожеф Сигети (1892–1973), скрипач. Гастролировал в Европе, Америке, в 1920-е несколько раз приезжал с концертами в СССР. Прославился исполнением произведений классического скрипичного репертуара; ему принадлежат многие первые исполнения новых сочинений композиторов XX века. Его исполнение Первого скрипичного концерта Прокофьева признано эталонным.

41 Государственное радио (дат.).

42 Эмиль Хольм (1867–1950) — певец, вокальный педагог. Был основателем и первым директором Симфонического оркестра Датского радио (Копенгаген).

Вашей жены с Вашим участием. У меня осталось впечатление, что это его интересует.

Не удивляйтесь такому выражению. Дело в том, что Хольм — бывший певец и у него невероятное пристрастие к вокалистам. Кроме того, у него есть мнение, которое иногда кажется предвзятым, что в концертах Радио могут и должны участвовать в качестве солистов только певцы. Если он к Вам обратится, это будет может быть первым случаем в Копенгагене.

Между тем Копенгаген в концертном отношении интересен. Радио существует пять лет, неуклонно развивается, Хольм управляет умно, заботливо и необыкновенно точно и определенно во всем вплоть до пустяков.

Потом в свое время я сообщил Хольму Ваш адрес и теперь дело за ним. Думаю, что в открытом концерте хорошо было бы сыграть Вам 3-й концерт. Впрочем, Вам виднее.

Еще одно: там невероятно трудно с современной музыкой («модерн»). Поэтому, несмотря на Ваше отношение к данному предмету, там вряд ли удастся сыграть в одном концерте с Вами иное, как «Скифскую сюиту»[43] или сюиту из «Апельсинов»[44] (я предпочитаю «Скифскую»). А вот в концерте студии я хотел бы там сыграть Вашу Третью симфонию.

В Берлине я был в издательстве[45]. Как особую милость я получил обещание предоставить мне партитуру этой симфонии на продолжительное время. Очень нехорошо, что они не выпускают малых партитур.

Кстати, Вы уж раз говорили мне, как зовут Вебера[46], а я опять забыл отчество. Очень прошу, напишите, теперь запишу.

В свое время играл в Лондоне с Сигети Ваш скрип<ипичный> концерт[47]. Сигети гоняет по концертам с такой живостью, что потерял сон, равновесие и необходимый для работы нервный уровень: он вел себя на репетиции как истеричка и доставил мне немало противного чувства. А вечером после концерта рассыпался в восторгах и вдруг заявил, что он этого не понимает, как это может быть (значит после такой трудной репетиции) и сделал открытие: «Вероятно Вы удержали это еще из Ленинграда» (я там с ним играл этот концерт). А на самом деле он просто немного пришел в себя или взял себя в руки вечером и слышал то, что было, а не то, чего на самом деле не было или что он ждал услышать. Попутно на репетиции он зря набросился на аккомпаниатора, положение которого было не из завидных. Играл Сигети вечером очень хорошо, а оркестр вообще в этот вечер играл замечательно.

В феврале после Лондона и Праги я исполнял в Берлине в Радио «Бориса» в редакции автора[48]. Замечательно интересно, но работа очень была затруднена

[43] «Ала и Лоллий», Скифская сюита для симфонического оркестра, ор. 20 по материалам несостоявшегося балета для С. П. Дягилева «Ала и Лоллий» (1915).

[44] Симфоническая сюита из оперы «Любовь к трем апельсинам» ор. 33 bis.

[45] Имеется в виду берлинское отделение Российского музыкального издательства.

[46] Федор (Фридрих) Владимирович Вебер, руководитель берлинского отделения РМИ.

[47] Концерт для скрипки с оркестром № 1 ор. 19 ре мажор (1917).

[48] В 1928 году Кировский театр вернулся к исполнению «Бориса Годунова» в авторской оркестровке, которую восстановили П. А. Ламм и Б. В. Асафьев. До этого в течение ряда лет опера исполнялась в редакции Римского-Корсакова.

совершенно непристойным состоянием нотного материала (Музгиз[49] через «Ун<иверсаль> Эд<исьон>»[50] в Вене).

Потом я еще махал, а потом неделю мы были в горах: снег, солнце, лыжи, — одним словом мы набрались сил и «мута» (родит. партитивус от немецкого «Мут»[51]).

Вам и жене от нас обоих самые хорошие приветы.

Напишите, если получите что из Копенгагена и заодно, как зовут не Карла и не Марию Вебера.

Еще приветы!

Ваш Малько[52]

11
Прокофьев — Малько

Н. А. Малько,
Прага.

5, rue Valentin Haüy,
Paris, XV, France.
20 Апреля 1932.

Дорогой Николай Андреевич,

Вернувшись из Лондона, спешу поблагодарить Вас за Ваше письмо. В Лондоне я играл с Генри Вудом[53]; он старался по мере сил, но все же я жалел, что не с Вами. Ведь спервоначала так и предполагалось, но потом не вышли даты — и Вам подсунули «скрипконцерт», а мне короткорукого сэра.

Спасибо большое за заступничество перед Копенгагенкаммерзангером. Жду от него письма, о содержании которого дам Вам немедленно знать. Спасибо также за хлопоты о жене. Она в В. В. С. удачно спела серию новейших и более старых русских романсов[54], а теперь готовит «Гадкого Утенка» для Парижа — с оркестром[55].

Вебера зовут:

Федор Владимирович;
Вебер Федор Владимирович;
Федор Владимирович Вебер.

---

[49] Государственное музыкальное издательство. Опера была издана Музсектором Госиздата и Oxford University Press.

[50] Universal Edition — венское музыкальное издательство, существует с 1901 года. В 1920-е годы и позднее издательство много сделало для распространения сочинений Мусоргского. Еще до выхода в свет «Бориса Годунова» в авторской редакции Universal Edition покупало права на переиздания многих сочинений Мусоргского.

[51] Mut (нем.) — дух, мужество, отвага.

[52] ID:SPA_9543.

[53] Генри Вуд (1869–1944), английский дирижер и педагог.

[54] У Лины Прокофьевой был большой и разнообразный репертуар, который певица постоянно расширяла.

[55] «Гадкий утенок» — сказка для голоса с фортепиано С. С. Прокофьева на прозаический текст сказки Г. Х. Андерсена ор. 18 (1915). В 1932 году Прокофьев оркестровал «Гадкого утенка», и Лина стала исполнять преимущественно оркестровую версию (премьера состоялась 19 мая того же года).

Конечно это свинство, что вместо того чтобы с распростертыми объятиями вручить партитуру интересующемуся ею дирижеру, наши издатели кочевряжатся. Но они полагают, что для дирижера украсть любимую партитуру такое же лихое дело, как выкрасть любимую девушку. Во всяком случае я рад, что III симфония у Вас в руках, а если Вам захочется познакомиться с другой партитурой и Вебер упрется, то Вы пожалуйтесь мне, и я устрою. Очень меня интересует, одобрили ли Вы III симфонию. Ее недавно сыграл Стоковский[56] в Нью Йорке, и там нашли, что это одна из лучших моих вещей[57].

Шлю сердечный привет Берте Израилевне от жены и от самого себя. Крепко жму Вашу руку.

Ваш[58]

12
Малько — Прокофьеву

Прага. Пока писать:
Česka Filharmonie
Revolučni 1, Praha I.
10 мая 1932

Получено 13 мая

Дорогой Сергей Сергеевич,

Наконец уломал копенгагенского Каммерзангера[59]. Снова повторяю: не принимайте моих выражений по этому поводу с неприятным для себя оттенком, ибо роль инструменталистов в коп<енгагенск>ом Радио в сравнении с вокалистами совершенно особая и я искренно радуюсь, что теперь по-видимому Ваше участие состоится.

Каммерзангер Эмиль Хольм просит меня узнать у Вас, можете ли Вы выступить в одном из концертов моей «первой серии», т. е. 29-го сент<ября>, 6, 13, 20 и 27 окт<ября>. Первый концерт вероятно уже занят, так что остаются 4 концерта в октябре.

(Я начинаю работу в Копенгагене в конце августа, но первый месяц буду работать с оркестром на репетициях и выступать лишь в студийных концертах или в таких, которые имеют характер студийных).

Мне бы хотелось, чтобы Вы играли Третий концерт. Хотелось бы не с точки зрения моего хотения, а с точки зрения Вашего и общего интереса применительно к местным условиям.

Было бы хорошо, если бы Вы сочли возможным теперь непосредственно сообщить в Коп<енгаген> ответ на вопрос о возможности выступить в одном из

[56] Леопольд Стоковский (1882–1977), американский дирижер. Впервые исполнил в США Вторую симфонию и музыку балета «Стальной скок» Прокофьева, Шестую симфонию Мясковского. Третью симфонию Прокофьева, как и другие его сочинения, он очень любил и играл в разных городах США.

[57] Прокофьев почти буквально цитирует свои слова на ту же тему из письма Б. Асафьеву от 9 апреля 1932 года.

[58] ID:SPA_9580.

[59] Э. Хольма.

названных мной концертов и тем ускорили бы дело. Не знаю Вашего взгляда по этому поводу, но, поскольку директор меня официально запрашивает, думаю, Вы не уронили бы себя, если бы, для скорости, ответили бы прямо ему, — лично или через агента или «генерал-музик-секретаря», это уж Вам виднее. Во всяком случае жду Вашего моментального ответа.

Занят я сейчас сверх головы. 23-го мая ставлю здесь, в Праге, «Весну»[60] Стравинского. В году я уже ее репетировал более или менее на пяти репетициях, теперь работал над ней (почти только над ней) четыре реп<етиции> и еще впереди четыре с половиной. Так она начинает вырисовываться по-настоящему. Конечно, такие реп<етиции> даются нелегко, и как раз последние реп<етиц>ии разделены большими интервалами, но истина остается истиной: трудные сочинения надо учить, и не только солисты, но и ансамбли должны учить трудное.

Вашей партитуры Третьей симфонии я еще не получил, она мне только обещана, и теперь, когда, благодаря Вам, я знаю, как звали или зовут отца милого Вебера, отца, до которого мне в сущности никакого дела нет (о, эти «отчества»!), теперь я могу написать в Берлин и надеюсь, партитуру мне пришлют.

От нас обоих Вам самые хорошие приветы.

Ваш Малько

Завтра я выступаю в качестве пианиста, играю подозрительную музыку «modern» — Honegger'a[61], Millaud[62], еще одного «четверотонника»[63] (но написано для обычного строя). Приходится по-настоящему заниматься. 30/V играю с теми же духовыми Квинтет Моцарта[64]. Вот очарование!

Direktor der Statsradiofonie
Kammersanger Emil Holm
Statsradiofonien
Driftslederen
Heibergsgade 7
København
K.

Конечно все это пишется ad libitum. Я раз получил из Лондона письмо с адресом: Kopenhagen Dirigent MALKO[65].

---

60 «Весна священная, картины языческой Руси» в двух частях (фр. *Le Sacre du printemps*) — балет И. Ф. Стравинского, либретто и сценография Н. К. Рериха. Начат композитором в 1910 году, премьера — 29 мая 1913 года.

61 Артюр Онеггер (1892–1955), французский композитор, дирижер, музыкальный журналист. Входил в группу «Les Six» («Шестерка»). Большую известность получила его оркестровая пьеса «Пасифик 231» (1923), ставшая одним из первых примеров музыкального конструктивизма и отозвавшаяся в творчестве многих композиторов, в том числе, Прокофьева.

62 Дариус Мийо (1892–1974), французский композитор, дирижер, педагог. Один из участников группы «Les Six» («Шестерка»).

63 Вероятнее всего, имеется в виду живший в Праге чешский композитор Алоиз Хаба (1893–1973), автор музыки с использованием четвертитонов и других микрохроматических интервалов.

64 Речь идет о Квинтете для фортепиано и духового квартета ми-бемоль мажор KV452 (1784).

65 ID:SPA_9647.

13
Прокофьев — Малько

Н. А. Малько
Praha.

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France
14 Мая 1932.

Дорогой Николай Андреевич,

Тронут Вашим вниманием. Сегодня мой секретарь[66] послал Хольму короткое и вежливое письмо[67] о моей готовности выступить в копенгагенском Радио и о предпочтительности дат 20 или 27 Октября.

Вот о последнем я и хотел спросить Вас. Дело в том, что 30-го я играю в Берлине с Фуртвенглером[68] новый концерт[69], и т<ак> к<ак> это будет самое первое исполнение вещи, то мне хотелось бы захватить побольше репетиций. В этом отношении 27 Октября подходит вполне, т<ак> к<ак> у Кука[70] мне сказали, что из Копенгагена есть поезд в 11.40 ночи, приходящий в Берлин в 10 утра и дающий мне возможность захватить уже репетицию 28-го. В таком случае камерный концерт в Копенгагене хорошо бы сделать напр<имер> 25-го, если там не возразят против того, что камерный будет до симфонического. Если же 27-е почему-либо не выйдет, то надо брать 20-е в надежде, что я куда-нибудь сумею поместить себя между Копенгагеном и Берлином, а то ведь не возвращаться же мне в Париж.

Пишу Веберу, с просьбой не задержать Вам высылки III симфонии. 3 Мая Зейдлер-Винклер[71] играл ее в берлинской Функштунде[72], но к сожалению при передаче через радио, по крайней мере на таком расстоянии, как из Берлина в Париж, она теряет свою импозантность. Зейдлер-Винклер старался в пределах своих сил и лишь в финале взял неверные темпы[73].

Поздравляю Вас с Вашими пианистическими триумфами. Сердечный привет Берте Израилевне и Вам от нас обоих.

Ваш[74]

---

66 Секретарем Прокофьева в 1932 году был Михаил Федорович Астров (1907–1993) — музыкант, художник, литературный редактор. Работал в издательствах Кусевицкого и Рикорди.

67 Письмо Э. Хольму Астров отослал днем раньше, 13 мая.

68 Вильгельм Фуртвенглер (1886–1954), немецкий дирижер и композитор.

69 Премьерное исполнение Пятого концерта состоялось 31 октября 1932 года. Прокофьев играл с Берлинским филармоническим оркестром под управлением В. Фуртвенглера.

70 Фирма Кука, занимавшаяся организацией международных путешествий, располагалась по адресу 14 Boulevard des Capucines, Paris.

71 Бруно Зейдлер-Винклер (1880–1960) — немецкий дирижер. В 1926–1932 годах руководил Симфоническим оркестром Берлинского радио.

72 Funkstunde AG Berlin — первая радиостанция в Германии.

73 В Дневнике композитор записал: «Вечером ходили слушать по радио у Цедербаума 3-ю симфонию, которую играли в Берлине. Четверть симфонии слышно было хорошо, в остальном мешали помехи — и получилось только раздражение. Из скерцо ничего не вышло». Запись от 3 мая 1932 года [8, 797].

74 ID:SPA_9668.

14
Прокофьев — Малько

Praha

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France.
22 Мая 1932.

Дорогой Николай Андреевич,

Только что получил ответ от Statsradiofonien, где они благодарят за письмо и сообщают, что, после того как снесутся с Вами, ответят подробнее. Пока же просят сообщить мои условия.

Вот об этом я Вам и пишу: что с них спрашивать?

И вообще идет ли речь об одном симфоническом, или также о камерном с участием моей жены (кстати, она на-днях очень удачно спела в Париже «Гадкого Утенка» с оркестром; если будут приличные критики, пришлю Вам, дабы Вы имели в руках аргумент).

О датах я Вам уже писал: 27 Октября лучше, чем 20-е, но тогда камерный надо напр<имер>, 25-го, т<ак> к<ак> 28-го я должен быть в Берлине на репетиции.

Крепко жму Ваши ладошки, извините, что утомляю Вас. Сердечные приветствия супруге.

Ваш[75]

15
Малько — Прокофьеву

Прага
26 мая 1932

Получено 30 мая

Дорогой Сергей Сергеевич!

Относительно срока — 27-го октября я уже писал каммерзангеру и, когда речь шла о приглашении певицы Торборг[76], я снова напомнил, что 27-е окт<ября> будет верно занято Прокофьевым[77], а 20 этой певицей, тем более, что этот день для нее удобен.

Относительно камерного вечера я в свое время говорил Хольму, он выразил интерес и только. Я думаю, Вам следует теперь самому об этом запросить хотя бы в связи с гонораром.

В этом последнем вопросе я не могу Вам дать исчерпывающего совета или ответа. Я начал там, кажется, с 600 нем<ецких> марок, причем каммерзангер оказывал долгое время любезность: оплачивал отель. Когда добрались до 1000 нем<ецких> мар<ок>, он перестал оплачивать отель. Сейчас мне будут платить помесячно, причем очень учитывается систематическая работа с оркестром.

[75] ID:SPA_9684.

[76] Керстин Торборг (1896–1970) — шведская певица, одна из признанных интерпретаторов вагнеровского репертуара.

[77] 27 октября 1932 года Прокофьев играл в Копенгагене концерт, который, по его словам, «очень хорошо» транслировался по Радио (ср. выше письмо № 13 от 14 мая 1932 года).

Исходя из того, что Каммерзангер подчеркивает желание иметь первоклассных солистов, казалось бы он и платить должен первоклассно. С другой стороны теперь, как Вы знаете, гонорары сильно поубавились. Может быть было бы правильно с Вашей стороны спросить то, что Вы считаете нужным, — хотя бы ту сумму, что Вы мне называли (300 дол<ларов>), и оставить лазейку для увеличения или уменьшения ее. Вот тут-то и можно было бы напомнить о разговоре с Малько относительно камерного вечера, мимоходом заметить, где и когда пела Ваша жена, какой репертуар, а также указать на варианты в гонораре в связи с разрешением вопроса о камерном вечере.

Очевидно я завтра-послезавтра получу известие из Копенгагена и со своей стороны буду продолжать двигать дело.

Получил я наконец партитуру Третьей симфонии и уже понемножку занимаюсь ею. Надеюсь играть ее в Праге и Копенгагене. А может быть и еще.

23-го впервые для меня дирижировал «Весну» Стравинского. Много работали (в году я больше или меньше работал над ней на пяти реп<етициях> и теперь имел семь). Вышло хорошо, у публики успех громадный. В кругах поварчивают, и это я знал заранее: чехи очень ревнивы и не любят сравнительно новых или совсем новых сочинений, если автор не чех, а произведения сильны. Такое же отношение существует здесь в известной степени и по отношению к Вам.

Репетирую сейчас усиленно квинтет Моцарта с духовыми[78], что играю здесь в Радио 30-го мая. Вот хорошая музыка!

Около первого июня мы переедем в очень хорошее место в немецкой Чехии, на озеро, но письма шпарьте по-прежнему на адрес Чешской Филармонии[79] и не вздумайте больше писать, что «утомляете» меня: во-первых, несмотря на неприятность — недавно был день моего рождения — я еще достаточно крепок, во-вторых я завел секретаршу, которая пока систематически не является на работу, но, когда приходит, работает отлично, в-третьих Ваши письма получать приятно.

От нас обоих Вам и вам обоим самые хорошие приветы!

Ваш Малько[80]

16
Малько — Прокофьеву.

До 27 октября c/o E. Scheel,
Bredgade 35, Kopenhagen K
21/IX. 1932.

Получено 28 сентября.
København

Дорогой Сергей Сергеевич,

Скоро увидимся. Мне приятно вспоминать, что будем снова вместе играть (вышло не по-русски, не обращайте внимания). Сейчас пишу вот почему:

78 См. выше письмо № 12 от 10 мая 1932 года.

79 Česká Filharmonie, Revolučni I, Praha I.

80 ID:SPA_9696.

в Brno (Brunn) в Чехии живет сестра Н. Я. Мясковского Варвара Яковлевна[81]. Замужем за чехом. Четверо детей. Он имел маленькое место (1000 чешских крон). В мае Варвара Яковлевна родила пятого. Муж теперь потерял место. Она снова пишет мне. Моя помощь ей бывает случайной и очень малой. В Праге я с трудом могу кое-кого «подковать», но это будет ничтожно. Николай Яковлевич не отзывается на ее письма. Я ему писал раза два, он отвечал, что его счет в Universal Edition микроскопичен, а присылать из Москвы, конечно, нельзя. Не выдумаете ли Вы что-нибудь. Простите, что пишу Вам об этом деле. Знаю, что бедных и несчастных кругом сколько угодно, но здесь речь идет о сестре Мясковского. Я не столько думаю о Вашем личном участии в этом деле, об этом даже не думал, а о том, — не «скомбинируете» ли Вы что-нибудь. Еще раз простите.

Приветы очень от нас обоих Вам обоим. Жаль, что не знаем Ваших ребят. Жена везде заводит большую дружбу с детьми, у нее в каждом городе есть «свои» дети.

Ваш Малько

Очень хотелось бы, чтобы Вы приехали не 27 утром, а 26 вечером, еще лучше 26 утром или 25 вечером, — здесь репетируют (мне по крайней мере удается) тщательно. Мы бы поработали с оркестром 26-го (репетиция 4 часа от 10 до 2) и 27 (3 часа от 11 до 2), кроме того, я надеюсь, Вы показали бы мне Третью симфонию. Партитура здесь.

P. S. Еще два слова для объяснения, почему моя помощь Варваре Яковлевне не может быть мало-мальски достаточной: на моем попечении, постоянном, полном или «эпизодическом» находится вне моего дома около 10 человек, а зарабатываю я очень и очень скромно[82].

17
Прокофьев — Малько

Н. Малько,
Копенгаген.

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France.
22 Октября 1932.

Дорогой Николай Андреевич,

Виза получена и спальное место задержано. Приеду в Копенгаген не 27-го утром, а как Вы пишете, 26-го вечером, кажется в половине седьмого. Если можно, оставьте для концерта побольше времени на репетиции 27-го, а если не можно, то не так страшно, ибо с Вами я эпически спокоен.

Гораздо менее я спокоен за новый концерт, который затем буду играть в Берлине. Когда на днях я начал пробовать его со вторым фортепиано, то оказалось,

[81] Варвара Яковлевна Мясковская была дочерью отца Мясковского — Якова Константиновича и его второй жены Алиды. Варвара Яковлевна, которую не очень принимали сводные сестры, уехала из России в Австрию, потом в Чехию.

[82] ID:SPA_10036.

что это неприятное соседство ужасно сбивает. Кажется, в Копенгагене Боровский[83] и Вы, вероятно, в сношениях с ним. Тогда очень прошу Вас о следующем: пусть он позвонит мне 26-го вечером в Hotel Angleterre, в котором мне рекомендовал остановиться Radiofonien; я ему передам клавир нового концерта и попрошу просмотреть в течение 27-го, с тем чтобы 28-го остаться целый день и хорошенько с ним порепетировать. Надеюсь, что он согласится пожертвовать мне несколько часов своего времени, не пишу же я ему прямо, потому что не знаю его адреса. 28-го мы сможем также просмотреть III симфонию, а вечером я выехал бы в Берлин, где репетиция 29-го днем.

До скорого свидания, сердечный привет Берте Израилевне, а также Вам обоим от моей жены.

Ваш[84].

18
Малько — Прокофьеву

Прага,
6 ноября 1932.
Boleslavská 6, Praha XII.
Это Ständige Adresse[85].

Получено 8 ноября

Дорогой Сергей Сергеевич!

Еще раз поздравляю Вас с Пятым концертом. После одного раза трудно сказать что-либо толковое в более подробном «плане». Я уже говорил, что звук оркестра кажется мне новым, в высшей степени уравновешенным и приятным в сочетании с роялем. Очень радует лаконичность, свойство, ничего общего не имеющее с краткостью: лаконичным может быть громадное сочинение и растянутым пустячок в одну страничку. Это свойство появилось у Вас не сразу; теперь же форма Вашей музыки кажется мне настолько законченной, что я удивляюсь, как это удалось Вам в 19 м<инут> 36 сек<унд> (а не в 17, как Вы предполагали) поместить так стройно 5 частей. Вот бы у Вас поучиться чешским авторам! 20-го я буду махать одно сочинение, оно продолжается час и пять минут. Это роднит его с 9-й симф<онией> Бетховена, но в остальном...

Если Вы допускаете шутки, то я спросил бы, что общего между ф<орте> п<ианными> концертами Прокофьева и пятилеткой. Ответ: у Прокофьева пять концертов образуют фактически четыре концерта, ну а про пятилетку каждый мальчик знает, что она осуществляется в 4 года.

Я пользуюсь Вашим участием к моему «заграничному» вопросу и сообщаю Вам о себе некоторые данные и «пиа дезидериа»[86]. Мне очень хотелось бы быть кратким, но никак не выходит. Знаю, что по печатному можно читать необычайно быстро с всякого рода внешними и внутренними купюрами, потому пишу в сжатом виде все, что хотел бы сообщить по данному вопросу.

83 См. сноску 37.

84 ID:SPA_10149.

85 Ständige Adresse (нем.) — постоянный адрес.

86 Pia desideria (лат.) — благие намерения.

В начале 29 г<ода> мое положение в Ленинграде было не веселое: Филармония изнывала под опекой начальника Главискусства[87] Свидерского[88], человека одинаково анекдотического и вредного. Моя должность была уничтожена, вместо директорства завели заведывающего (потом даже заведывающую) — не музыканта. Консерватория[89] чинила мне явно препятствия в моей дружеской (творческой) деятельности, — так мне завидовали. Я даже мог понять это чувство зависти, но «мине от этафо ни лекче», как написал красноармеец на плакате Семашки[90] «Сифилис не позор, а несчастье». В Москве тогда еще существовал Красин[91], с кот<орым> мне приходилось воевать по должности директора Фил<армонии> и ко времени моего неожиданного отъезда в Южную Америку[92], неожиданного, ибо я не верил в паспорт и помог мне в этом деле Посредрабис[93] в Берлине, которому было интересно, чтобы сов<етский> артист получил такой заманчивый ангажемент и кот<орый> конечно получил за это проценты, — так вот в это время мои виды на сезон 29–30 г. в Союзе были самые печальные. Вернувшись в Европу (кажется и раньше) я напрасно запрашивал Лен<инградскую> Конс<ерваторию> о продлении отпуска. Мне просто не отвечали, а Посредрабис в Берлине и отд<еление> ВОКС'а[94] в Лен<инграде> усиленно советовали продолжать работу за границей, что они считали нужным и полезным.

Далее не раз возникали недоразумения, — кто-нибудь запрашивал обо мне или даже требовал моего немедленного возвращения. Мне в таких случаях всегда помогал полпред в Праге Аросев[95] (а также б<ывший> полпр<ед> в Ковно Петровский[96]). Благодаря Аросеву выяснилось недоразумение с командировкой и меня сняли с учета командированных. Потом какая-то комиссия (ей-Богу не знаю, какая) продолжила мне «отпуск» «еще на год». Этот год не то истек, не то истекает. Ни на какой службе в СССР я не числюсь и думаю, что с требованием «возвращения» теперь успокоилось.

---

87 Главное управление по делам художественной литературы и искусства.

88 Алексей Иванович Свидерский (1878–1933) — советский партийный и государственный деятель, дипломат.

89 Ленинградская консерватория.

90 Николай Александрович Семашко (1874–1949) — один из организаторов системы здравоохранения в СССР, врач, партийный и государственный деятель.

91 Леонид Борисович Красин (1870–1926) — революционер, советский партийный и государственный деятель. Первый Нарком внешней торговли СССР, полпред во Франции, с 1925 года — в Великобритании.

92 Малько получил приглашение выступить с серией концертов от Союза Оркестрантов Буэнос Айреса.

93 Посредрабис — бюро, которые осуществляли посредническую деятельность по трудоустройству работников театра. Существовали в 1920–30-х годах. После революции был открыт Центропосредрабис и его отделения в регионах.

94 Всесоюзное общество культурной связи с заграницей — общественная организация. Основана в 1925 г.

95 Александр Яковлевич Аросев (1890–1938) — революционер, советский партийный деятель, писатель, дипломат. Отец актрисы Ольги Аросевой. В 1929–1933 гг. — полпред в Чехословакии. Репрессирован.

96 Адольф Маркович Петровский (1887–1937) — советский дипломат.

Однако я совсем не мечтаю попасть в число эмигрантов, хотя бы красных и, Вы меня отлично поймете, не желаю оказаться в том или ином одиозном положении.

Мало того, я хочу работать и в СССР и за границей. Последнее мне необходимо, ибо качественно я могу сохранить свою работу и поднять ее только при условии «открытых дверей», т. е. при возможности работать за границей. Казалось бы, и те, от кого зависят всякие разрешения, должны понимать, что значит культурная и успешная работа сов<етского> артиста за границей, артиста такого характера, где можно говорить о деятельности, а не только о частных выступлениях. Я боялся бы теперь поступить на службу в Москву или другой город. Это значило бы снова попасть в тиски зависти, недоверия и запрещения. Тогда прощай заграница надолго, а то и навсегда. Я уже испытал прелесть «опоздания», и мне просто не поверят, если я без всяких гарантий скажу, что я приеду в срок. В свое время Вы были приблизительно в таком же положении и Вам удалось получить гарантию, что Вас выпустят обратно. Максимум моих желаний — получить то же самое.

Должен оговориться: не думайте, что я обращаюсь к Вам с такими трудными, заковыристыми и контрапунктическими просьбами. Я излагаю Вам мое положение исключительно для ориентировки, помня Ваше доброе согласие так или иначе мне помочь. Ничего определенного («реального») я Вас не прошу, но допускаю, что при случае и доброй воле, в коей я не сомневаюсь и которая основывается не только на Вашем личном ко мне отношении, но и на правильном понимании всей ситуации, Вы могли бы мне оказать помощь. Может быть и очень большую, но все это «может быть», и я не хочу и не могу Вас чем бы то ни было обязывать.

Еще два слова о моих «достижениях» за границей. Вот в двух словах мой актив.

Концерты летом 25-го г. на Рижском взморье. Всякие «лестные» предложения постоянной работы, сделанные мне тогда, были мной отклонены. Как и все позднейшие предложения постоянной работы за границей — я получаю их ежегодно. «Рабочий» симфонический концерт в Вене в 1928 г<оду>. Это выступление, сопровождавшееся по-видимому редким для дирижера-гастролера успехом, определило сразу возможность выйти на заграничный рынок.

29-й г<од>. Вследствие опоздания «не по своей вине» я потерял очень ответственные и репрезентабельные для иностранца концерты в Копенгагене, Вене, Мюнхене (2). Остались Берлин, Лондон и Вена (Радио-студии), филармония в Праге. В том же 29-м г<оду> 12 конц<ерт>ов в Буэнос-Айресе по приглашению тамошнего Союза Оркестрантов.

Далее ежегодно конц<ерт>ы в Берлине — в студии и открытый (в прогр<амме> Мясковский и Шостакович), в Лондоне (студия и открытый, в последнем Прокофьев и первое исп<олнение> оригинальной редакции «Ночи на Ивановой горе» Мусоргского[97]). Это исполнение вызвало большое внимание и соответствующую прессу. Раньше я исполнял эту редакцию «Ночи» в Копенгагене

[97] «Иванова ночь на Лысой горе», симфоническая картина М. П. Мусоргского. Первая версия завершена в 1867 году, в 1868 издана партитура; летом 1878 года Мусоргский собрался «переделать и пересочинить» ее, однако главные изменения, определившие облик второй редакции, были сделаны Н. А. Римским-Корсаковым.

(впервые вне СССР, потом в Праге. Недавно она при моем содействии исполнена в Бирмингаме).

Концерты в Копенгагене, Вене, Мюнхене, Шотландии (Глазго, Эдинбург и др. города), в Лондоне кроме Радио концерты с Лонд<онским> Симф<оническим> Орк<естр>ом, а в этом сезоне с Лонд<онской> Филарм<они>ей.

Конц<ерт>ы и оперные выступления и постановки в Праге (преимущественно русский репертуар), тоже в чешской провинции, пост<ановка> «Жар-Птицы»[98] в Праге.

Несколько поездок в Каунас (Ковно) — конц<ерт>ы и опера (совсем не скверный театр, а «Тангейзера»[99] я ставил там с Добужинским[100]).

32 г. Исполнение в Берлине (Функштунде[101]) впервые в Зап<адной> Европе (не говоря уже об Америке и Австралии) «Бориса Годунова» в авторской ред<акции>. Это исполнение критик Эйнштейн[102] (не смешивать с “теорией относительности”) назвал лучшим, что когда-либо дало Функштунде. Пресса по всей Германии около сотни рецензий. В результате предполагается постановка в Берл<инской> Штадтише Опер[103], и предполагается еще в одном городе аховая постановка под моим упр<авлением>, куда я предполагаю привлечь постановщика и художника из Москвы (это не Копенгаген).

В этом сезоне предстоит Рим (курьезно: пригласили дирижировать чешский «фестиваль»), Польша (Познань и Варшава), Фил<армония> в Лондоне — это новое. О Югославии, куда меня зовут каждый год и куда я, как сов<етский> гражд<анин>, стеснялся ездить, <как и Венгрия>, лучше не говорить. Кажется разумнее перестать стесняться, тем более, что там был Моск<овский> Худ<ожественный> театр и др<угие> сов<етские> артисты.

С грустью вспоминаю привлекательное предложение на несколько конц<ертов> в Мадрид. Все было готово и все сорвалось в последнюю минуту: мне не дали транз<итные> франц<узские> визы (сволочи!).

Еще: доклады о советской музыке в Вене в рабочем клубе в 1928 году, в Праге в обществе сближения с СССР в 31-м г., в Глазго в 31-м г. я был первым говорившим публично о Советском Союзе и его искусстве, и доклад, судя по обстановке (рабочая аудитория), разговорам и прессе был очень замечен.

---

98 «Жар-Птица» (фр. L’Oiseau de feu) — одноактный балет И. Ф. Стравинского (премьера — 1910).

99 «Тангейзер и состязание певцов в Вартбурге» — опера Р. Вагнера на собственное либретто по мотивам повести Э. Т. А. Гофмана «Состязание певцов» и новеллы о Тангейзере Л. Тика (премьера — 1845).

100 Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1958) — русский художник. Эмигрировал из СССР в 1924 году. Некоторое время сотрудничал с каунасским театром.

101 Die Funk-Stunde AG Berlin — первая радиостанция в Германии, начала вещание в 1923 году.

102 Отзыв критика Эйнштейна найти не удалось.

103 Государственная опера (Staatsoper) — Берлинский государственный оперный театр. С 1991 года носит официальное название — Государственная опера Унтер ден Линден (Staatsoper Unter den Linden или Staatsoper Berlin). Первоначально — Королевская Придворная опера (Königliche Hofoper, 1743–1918); дальнейшие именования: Прусская государственная опера (Preußische Staatsoper, 1919–1945; второе название — Опера Унтер-ден-Линден, Opernhaus Unter den Linden); после восстановления здания, разрушенного во время Второй мировой войны, — Немецкая государственная опера (Deutsche Staatsoper, 1955–1990).

Почти повсюду я участвую во всякого рода интервью, кот<орые> вместе со всем остальным подтверждают мое не только «легальное», но и вполне «правоверное» поведение. В ряде городов я был первым советским артистом. В репертуаре у меня преимущественно произведения русских авторов, и среди них много новых советских сочинений. К «плюсам» своим я отношу привлечение Прокофьева в Прагу и Копенгаген. Оба выступления будут иметь результаты и не явятся случайным выступлением артиста. Возвращаясь к себе, скажу, что я указывал лишь вехи. В общем, я занят почти все время сезона, являюсь в этом смысле, как говорят, исключением, даже чудом. Наличие работы при скверной организации (как-то не умею), пожалуй, говорит о качестве моей работы. Простите, Сергей Сергеевич, за длину письма и примите от нас Вам и вам самые сердечные приветы.

Ваш Малько

И еще одно: этот сезон у меня уже весь занят. Надеюсь, Вы этого письма не возьмете с собой в дорогу[104].

19
Малько — Прокофьеву

Прага, 7 ноября 1932 г.
Boleslavská 6, PrahaXII.

Получено 9 ноября

«Не пугайтесь, ради Бога не пугайтесь!»
Хотя снова просьба,
но она ни в каком смысле не обязательна, —
если случайно окажется, что Вы можете ее
исполнить,
то будет замечательно.
Подробности дальше.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Сегодня отправил Вам «экспресс», если не получили, то может быть еще застанет Вас в Париже.

Сейчас вот какое дело. У меня в Ростове дочка[105], хорошая очень, на днях ей исполняется 14 лет. В прошлом году я послал ей часики. Оказалась страшная дрянь, как и многое, что было послано из Берлина через монопольную фирму (Вы и представить себе не можете, как они обманывали!) Часы стоят, и поправить их нельзя. Горе. Если случайно Вы не носите часов-браслета

104 ID:SPA_10202.

105 Ольга Николаевна Малько (1918–2015), о которой идет речь в этом письме, — дочь Николая Малько и артистки Мариинского театра, певицы (лирико-колоратурное сопрано) Раисы Степановой. Ольга Малько стала актрисой. В течение более 40 лет она прослужила в театре Российской (до 1993 года — Советской) Армии. Известна по роли в фильме «Ленинградская симфония» (1957). В 2010 году опубликовала книгу «Как мне жилось. Воспоминания актрисы». С 1989 года смогла выезжать за рубеж, где встретилась со своим сводным братом — Георгием Николаевичем и его матерью Бертой Малько, второй женой дирижера.

и если Вы кроме рояля, клетки с попугаем и швейной машины не слишком много вещей везете в Москву, то мы (Берта Израилевна и я) очень просим Лину Ивановну, если ей это действительно не трудно, купить часы на ремешке (ни в коем случае не металлический браслет и лучше не на ленте, а именно на ремешке), надеть их Вам на руку и в таком виде отправить в Москву. Часы для очень крупной девочки, не надо обязательно «дамские», они могут быть нейтральными, во всяком случае не очень маленькие, простые, без фокусов, конечно из трех разных лучше взять приятные в смысле вкуса (напр<имер> продолговатые лучше круглых, мне кажется). Главное качество: часы, если это осуществится, должны ходить и действительно показывать время. Цена, я сравниваю с моими, которые я не то забыл, не то потерял в Копенгагене, — 10–12 долларов. Я цен не знаю парижских и говорю приблизительно. Деньги будут Вам высланы по Вашему указанию незамедлительно, можно и в долларах, за этим «не постоим».

О благодарности «не может быть и речи», как писал Липаев[106] Луначарскому[107] в письме из Саратова в Москву, прося устроить его в Москву.

Повторяю серьезно: просьбу прошу исполнить только в том случае, если это для Вас возможно. Может быть, кто-либо может Вам сделать это в Берлине или можно сделать так (если неудобно сделать это в Париже, а взять часы Вы можете). Напишите мне день и адрес, и я попрошу моих знакомых в Берлине купить часы и принести туда и тогда, когда Вы скажете.

Если бы осуществилось, то просьба к тем, куда Вы их подбросите в Москву, написать открытку моему брату: Владимир Андреевич Малько, Мыльников пер. 4 кв. 12 (мыло, четыре — Витгенштейн, 12 — Мясковский). Брат явится за ними.

Еще и еще раз простите и не стесняйтесь не исполнить то, о чем пишу.

Желаю Вам в Москве и вообще самой невероятной удачи во всем.

Ваш Малько [от руки. — *Н. С.*]

P. S. Берты Израилевны. Главное — механизм, металл простой, никель.

Второе — сказать брату, в чем дело, ибо написать об этом нельзя.

Третье: мы «извиняемся»[108].

---

[106] Иван Васильевич Липаев (1865–1942) — тромбонист, композитор, музыковед, музыкальный критик. В начале 1890-х годов организовал квартет медных духовых инструментов, первый в России. Играл в оркестре Большого театра, в Персимфансе и других оркестрах. Преподавал в Москве и Саратове. Написал несколько книг по истории музыки и огромное количество исторических и публицистических статей и заметок, работая музыкальным корреспондентом в различных газетах и журналах.

[107] Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — искусствовед, критик, писатель, советский партийный и государственный деятель. С 1917 по 1929 год — народный комиссар просвещения РСФСР.

[108] ID:SPA_102008.

20
Прокофьев — Малько

Н. Малько,
Прага.

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France.
10 Ноября 1932.

Дорогой Николай Андреевич,

Оба Ваши письма получил и разумеется с собой в путешествие их не возьму, но содержание экспресса бережно увезу в клеточках своего мозга.

Относительно часов, то это уже третьи часы, но впрочем первые браслетом, так что провезти их, пожалуй, смогу, только покупать некогда: сегодня не успею, а завтра праздник и завтра же отъезд. Если Вы успеете написать Вашим друзьям в Берлин, то пусть они купят и доставят во вторник 15-го до полудня в Фюрстенхоф[109] на имя фрау Кермекчеевой[110]. Я буду с нею в контакте.

Жму лапки; сердечный привет Берте Израилевне.

Ваш[111]

21
Малько — Прокофьеву

Прага,
Boleslavská 6. Praha XII.
13–11–32.

Получено 15 ноября

Дорогой Сергей Сергеевич!

Спасибо изо всех сил!

Я написал в Берлин и надеюсь, что часы будут вручены фрау со сложной фамилией вовремя.

Напоминаю: брат Владимир Андреевич Малько, Мыльников пер. 4 кв. 12. Полагаю, что лучше всего просить об этом Николая Яковлевича[112] и оставить часы у него. Во-первых, он для меня не откажет это сделать, а во-вторых, я ему верю. Вообще же верить трудно. Вы, может быть, и не представляете, что делается с людьми в известных условиях, когда они видят вещь, которая нужна им до зарезу и которую надо отдать.

Николаю Яковлевичу передайте все самое нежное, извинитесь за меня, поблагодарите.

109 Возможно, Прокофьев имеет в виду отель Fürstenhof, но это лишь предположение.

110 Сведений о ней найти не удалось.

111 ID:SPA_10222.

112 Мясковского.

Подготовьте его к удару: он сердится, что я все играю его пятую симфонию[113], а я снова играю ее, — 20-го января в Варшаве.

Вам — ни пуха ни пера и до скорого свидания!

Еще раз спасибо и не сердитесь.

Очень приветы от обоих!

Ваш Малько[114].

22
Прокофьев — Малько

Н. Малько,
Прага.

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France,
11 Декабря 1932.

Дорогой Николай Андреевич,

Общее мое впечатление по интересующему Вас вопросу было таково, что в настоящее время гораздо более благосклонно, чем раньше, относятся к добровольному возвращению в СССР ценных артистических сил, находящихся за границей[115]. В частности, и с Вами, я думаю, будет вполне возможно, чтобы Вы в будущий сезон получили приглашение приехать на месяц, с тем чтобы после этого Вы могли продолжать Вашу работу за границей. Асафьев[116] обещал, при ближайшем свидании с Аркадьевым[117], который в Наркомпросе[118] состоит во главе отдела искусств, поговорить о Вашем приглашении и затем написать Вам. Асафьев в настоящий момент,

---

113 Симфония Н. Я. Мясковского № 5 ре мажор ор. 18 (1918). Малько был первым исполнителем этой симфонии: он провел премьеру 18 августа 1920 года в Москве. Начиная с 1933 года Прокофьев не раз убеждал знакомых дирижеров, что из симфоний Мясковского нужно играть не Пятую, а Тринадцатую, си-бемоль минор ор. 36 (1933). Ср. далее письмо № 38 от 20 апреля 1934.

114 ID:SPA_10239.

115 Отдельный вид деятельности советских властей. Известные представители советского искусства часто ездили за границу и рассказывали русским людям, жившим за рубежом, о преимуществах жизни в СССР. В такие поездки ездили, к примеру, К. Симонов с В. Серовой. В 1929 или 1930 году литератор Тарасов-Родионов встречался во Франции с В. Набоковым. Во вступительной статье к сборнику пьес Набокова И. Толстой пишет, что в этом «вербовочном» разговоре Тарасов-Родионов ссылался на Прокофьева, с которым он разговаривал и который — «возвращается» [6, *25*].

116 Борис Владимирович Асафьев (псевд. Игорь Глебов; 1884–1949), русский композитор, музыковед, музыкальный критик, педагог. Один из основоположников советского музыковедения. Соученик Прокофьева по Петербургской консерватории.

117 Михаил Павлович Аркадьев (1896–1937), начальник Управления театрами НКП РСФСР, с 1936 года по предложению К. С. Станиславского — директор Московского художественного академического театра им. Горького. Арестован 11 июля 1937 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации (шпионаж в пользу Польши). Расстрелян 20 сентября 1937 года.

118 Народный Комиссариат Просвещения РСФСР. В 1920–1930-е годы ведомство, державшее в подчинении все области культурной деятельности. Руководителем Наркомпроса (народным комиссаром просвещения) в это время (1929–1937) был сменивший А. В. Луначарского А. С. Бубнов (арестован 17 октября 1937 года, 1 августа 1938 года расстрелян).

после художественного и политического успеха его балета «Пламя Парижа»[119] (из французской революции), очень выдвинулся и по-видимому получает место художественного руководителя Большого театра[120], — так что я думаю, он как раз то лицо, которому надлежит поговорить с Аркадьевым о Вас. Кроме того, я говорил с председателем Горкома московских композиторов Атовмьяном[121]. Он тоже сторонник мягкого привлечения русских артистов из-за границы и, хотя сам не имеет к тому непосредственной власти, охотно поддержит, где следует, Вашу платформу.

Своей поездкой я чрезвычайно доволен и в Апреле отправлюсь вторично[122]. Если к тому времени вопрос о Вашем приглашении не примет окончательной формы, я с удовольствием продолжу разговоры и думаю, что смогу довести их до окончательных результатов, т. к. почва будет уже подготовлена.

Также обещаю отвезти часы Вашей дочке.

Позвольте поблагодарить Вас за теплый прием, оказанный Вами моей жене в Праге. Среди чрезвычайной неразберихи, которой был обставлен ее приезд[123], она говорит, что встреча с Бертой Израилевной и Вами — единственное ее приятное воспоминание о чехах.

Исполнение Вами Скифской Сюиты в Вене — приятная для меня неожиданность. Пришлите программу, если у Вас осталась под рукой.

Сердечный привет Вам обоим от жены и от меня.

Ваш[124]

23
Малько — Прокофьеву

Прага, Болеславска 6,
Praha XII.
19–12–1932

Получено 4 января

Дорогой Сергей Сергеевич, поздравляю с блестящей поездкой в СССР и... немножко завидую: хочется туда съездить[125], но ни в коем случае не хочется

[119] «Пламя Парижа» — балет Б. В. Асафьева по мотивам хроники Ф. Гра «Марсельцы» (1932). Один из самых успешных балетных спектаклей советского времени (Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова (1932), Большой театр СССР (1933); балетмейстер-постановщик Василий Вайнонен). Асафьев использовал в балете музыку времен Великой французской революции. Прокофьев помогал Асафьеву, разыскивая у парижских букинистов и присылая Асафьеву букинистические ноты. Первоначально этот нотный материал предназначался для курса истории французской музыки, который готовил и читал Асафьев в Ленинградской консерватории.

[120] В Большом театре Асафьев служил консультантом.

[121] Левон Тадевосович Атовмьян (1901–1973) — советский музыкальный деятель, композитор. В 1939–1948 годах — заместитель председателя Музыкального фонда СССР. Автор переложений для фортепиано сочинений Прокофьева и Шостаковича. Оказывал помощь Прокофьеву в бытовых вопросах, помог получить субсидию Музфонда для покупки дачи в 1946 году.

[122] Весенняя поездка продолжалась с 8 апреля по 8 июня 1933 года.

[123] Выяснить точные даты гастролей Лины Прокофьевой в Чехии пока не удалось, но 8 декабря она уже встречала в Париже Прокофьева, вернувшегося из СССР. Жаловалась на свою поездку.

[124] ID:SPA_10343.

[125] Малько довелось приехать в СССР только в 1959 году. Он дал в стране несколько концертов во время своего гастрольного кругосветного путешествия.

прекращать работу на Западе. Тем дороже для меня та помощь, которую Вы мне оказали и обещаете оказать в дальнейшем в осуществлении возможности поездки с гарантированным возвращением. До апреля еще времени много, и если я с Вами не увижусь, то прошу разрешения еще отнять у Вас время и занять внимание по этому делу. Спасибо большое за то, что Вы уже сделали, хочется думать, что почва в этом смысле действительно не очень неблагоприятна.

Кстати, правда ли, что главным дирижером Фил<армон>ии в Москве приглашен Себастиан[126]?

То, что я о нем знаю, не говорит в пользу его годности для такого поста.

В поездке Лины Ивановны в Прагу, пожалуй, и правду было не все в порядке. Тут и чехи виноваты, и Бичурин[127] вдруг показал себя по-новому (он недавно получил чешский паспорт, может быть, ударило в голову), и обстановка выступления в Радио особенно не радовала. Запомнила ли Лина Ивановна, что она пела? Напомните: «Ошкливый кахнятко»!![128]

В Вене было так: 6-го дек<абря> я имел там две реп<етиции>, 7-го в 9 утра уже репетировал в Праге, 10-го конц<ерт> в Праге (4-я Малера) и 12-го третья реп<етиция> в Вене и веч<ерний> концерт. В Вене оркестр так культурен, у меня с ним такие чудесные отношения, что можно было проделать такой трюк. Оркестр работал на репетициях просто замечательно. Они играли сюиту[129] впервые, схватили ее быстро и отлично выучили. Вечером играли на славу. После сюиты кто-то в публике начал шикать, что тотчас конечно удвоило успех. Несколько человек шикало все время и было очень весело. Я выходил три раза, подымал орк<естр> и т. д. Оркестру сюита явно понравилась.

Кстати, материал[130] я просил тот же, что был в Праге и Копенгагене, и, хоть не весь, но частью был тот же самый. И представьте, снова нашлись ошибки, и не только в партиях скрипок в сложных пассажах, где можно не разобрать, или в гармониях скрипок, напр<имер> секунда соль — ля, диэз поставлен на соль вместо ля, но и посущественнее, например, во второй части при вторичном появлении трех четвертей альты играют в унисон с английским рожком и оба раза было в этом такте у альтов (еще у валторн) вранье. Значит, и в Праге и в Копенгагене играли с ошибками.

То, что дирижер не слышал — плохо, но то, что автор на репетициях не слышал, тоже нехорошо, а в общем это заставляет меня лишний раз призадуматься над тем, что называют слухом. Я абсолютно не ценю слух как таковой без связи с музыкой, фантазией, воображением, вкусом, чувством колорита, скорости (темпа), способностью организовывать звук и т. д. Вот говорят,

126 Георг Себастиан (1903–1989) — дирижер, по происхождению венгр. Ученик Б. Вальтера. Работал в СССР, США, с 1946 года жил в Париже. Был дирижером Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио в Москве.

127 Марк Петрович Бичурин — глава Концертной Корпорации Марка Бичурина в США, в течение некоторого времени — директор театра в Брно.

128 «Гадкий утенок» (чешск.).

129 «Ала и Лоллий», скифская сюита для симфонического оркестра ор. 20 (1915).

130 Материалом называли все, что нужно исполнителям для разучивания и исполнения сочинения, кроме партитуры: оркестровые и вокальные партии, клавиры для разучивания с певцами.

у так называемого «народного артиста» Льва Штейнберга[131] отличный слух: он слышит ошибки, а цена ему все-таки грош. Как-то я должен был рассердить дирижера Штидри[132] (он заслужил этого), и он рассказал мне интересное о больших дирижерах, у которых был далеко не первоклассный слух — Никиш[133], Моттль[134], Р. Штраус[135]. Припоминаю рассказ Глазунова[136], как он первый раз в жизни слушал свое сочинение (репетиция Придворного Оркестра). Когда он вышел на улицу, мартовская слякоть казалась ему красивой, лужи особенно прекрасными. Он не слышал ни одной фальшивой ноты, а их было много. Может быть, я хвачу через край, но по-моему это был один из немногих случаев, когда Глазунов слушал музыку так, как ее надо слушать.

Простите за длинное отвлечение.

Если до апреля не удастся передать дочке часы, с благодарностью воспользуюсь Вашей любезностью.

Говорили ли Вы с Николаем Яковлевичем о его сестре?[137] Если в Америке Вам подвернется случай сорвать с кого-нибудь много ли, мало ли, сделайте это, там нужда страшная, а ведь это сестра Мясковского.

Одновременно посылаю бандеролью программку концерта в Вене. Еще занятно: мой концерт был в понедельник, а накануне утром был концерт филармоников и перед тем в субботу открытая генеральная репетиция концерта под управлением Клеменса Крауса[138]. Играли: Вашу Классическую симфонию[139], «Весну Священную» Стравинского и 4-ю симфонию Чайковского[140]. Оказалось случайно сходство программ (у меня был Чайковский, я об этой программе, конечно, раньше не знал), и получилась излишняя близость для двух исполнений Прокофьева. Так, по крайней мере, мне сказали, а может быть и наоборот, было хорошо,

---

131 Лев Петрович Штейнберг (1870–1945) — дирижер, композитор, педагог. Одним из первых делал грамзаписи, в частности, записал оперу «Царская невеста» Римского-Корсакова.

132 Фриц Штидри (1883–1968) — австрийский дирижер. После прихода к власти нацистов в 1933 году покинул Берлин, эмигрировав в СССР. Дирижировал в Ленинграде и Москве, 15 октября 1933 года провел премьеру Первого фортепианного концерта Д. Д. Шостаковича (солист — автор).

133 Артур Никиш (1855–1922) — венгерский дирижер. Возглавлял Бостонский симфонический оркестр, Лейпцигский Гевандхауз-оркестр, Берлинский филармонический оркестр, Филармонические концерты в Гамбурге. Работал с лучшими оркестрами Европы, осуществил ряд выдающихся постановок в музыкальных театрах Европы.

134 Феликс Мотль (1856–1911) — австрийский дирижер и композитор. Прославился как несравненный интерпретатор вагнеровского репертуара. Дирижировал в Байрейте, в театрах Лондона, Мюнхена, Нью-Йорка, Москвы, Петербурга. Много выступал как симфонический дирижер.

135 Рихард Штраус (1864–1949) — немецкий композитор и дирижер. Сохранились аудиозаписи Штрауса-дирижера.

136 Александр Константинович Глазунов (1865–1936) — русский композитор, дирижер, педагог. Первый избранный директор Петербургской консерватории (1905–1928). С 1928 года жил в Париже.

137 См. письмо № 16 от 21 сентября 1932 года.

138 Клеменс Краус (1893–1954) австрийский дирижер. Великолепный интерпретатор романтического репертуара.

139 Симфония № 1 «Классическая» ре мажор ор. 25 (1916–1917).

140 Симфония № 4 фа минор ор. 36 (1877).

что исполнение двух сочинений оказалось рядом. Дзимитровский[141] говорил мне, что Классическую симфонию филармоники замечательно играли.

Прессы еще нет, мне пришлют, но Вы ведь тоже абонированы[142] и все получите.

Вот и все. Остается пожелать Мэри Кристмас и Хэппи Ньюйар[143] и вообще передать Вам и Лине Ивановне наши общие сердечные приветы. Хотелось бы как нибудь увидеть Ваших ребят!

Ваш Малько[144]

24
Прокофьев — Малько

N. Malko, Praha.

5, Rue Valentin Haüy,
Paris XV, France.
15 Июня 1933.

Дорогой Николай Андреевич,

На днях вернулся из СССР, откуда уезжать не хотелось, но в Октябре отправлюсь снова. Лина Ивановна присоединилась ко мне в начале Мая и мы с ней промахнули вплоть до персидской границы, к подножию Арарата[145].

Ваши поручения я тщательно исполнил и о Вашем желании приехать в Москву имел три разговора: 1) с Пшибышевским[146], заместителем Главискусства[147], 2) с Рубининым[148], заведующим Западным Отделом Наркоминдела[149], и 3) с Аркадьевым, т. е. самим Главискусством. В Наркоминделе мне сказали, что это не по их ведомству, а Пшибышевский и Аркадьев отнеслись благожелательно. Последний сказал, что лучше всего Вам написать об этом непосредственно ему,

---

141 Абрам Исаакович Дзимитровский — заведующий русским отделом Universal Edition в Вене. Музыкальный критик.

142 Музыканты заключали договоры с агентствами, которые подбирали для них вырезки из газет и журналов (отклики, рецензии).

143 Merry Christmas, Happy New Year (англ.) — пожелания веселого Рождества и счастливого Нового года.

144 ID:SPA_10389.

145 Гастрольная поездка Прокофьева в СССР продолжалась с 14 апреля по 6 июня. Прокофьевы побывали в Баку, Батуми, Тбилиси, Ереване, путешествовали по Военно-Грузинской дороге.

146 Болеслав Станиславович Пшибышевский (1892–1937) — музыковед, сын польского писателя Станислава Феликса Пшибышевского (1868–1927). Заведующий секцией музыки Наркомпроса, в 1929–1931 годах директор Московской консерватории (в 1931–1932 годах имела название Высшая музыкальная школа им. Феликса Кона). Расстрелян 21 августа 1937 года по обвинению в шпионаже и подготовке терактов.

147 Главискусство — Главное управление по делам художественной литературы и искусства при Наркомпросе РСФСР.

148 Евгений Владимирович Рубинин (1894–1981) — советский дипломат, сотрудник Народного комиссариата иностранных дел. Участвовал во многих международных переговорах, касающихся торгово-финансовой сферы отношений СССР с зарубежными странами. В период, когда было написано письмо, занимал пост заведующего 3-м Западным отделом комиссариата (1928–1935).

149 Наркоминдел — Народный комиссариат иностранных дел (1917–1946).

дабы он мог дать делу официальный ход. Адрес: Москва, Чистопрудный бульвар 6, Наркомпрос, Отдел искусств, Михаилу Павловичу Аркадьеву.

Аркадьев — очень милый человек, но больше говорит любезностей, чем делает дел. Я имел в виду повидать перед отъездом Бубнова[150] по своим собственным делам и между слов спросить про Вас, но, к сожалению, это свидание не состоялось*.

Брата Вашего тоже видел: он зашел ко мне, получил простынки и пр., а также просьбу не затрагивать политических вопросов в переписке, чему он немало удивился: «Но я и так не затрагиваю!». Как человек он произвел на меня чрезвычайно приятное впечатление; передайте Берте Израилевне, что я никак не мог подумать, что у Вас может быть такой пресимпатичный брат!

Вернувшись в Париж и найдя детей и квартиру в порядке, я теперь погрузился в более спокойные занятия, а то пребывание в СССР превратилось по обыкновению в сплошную скачку.

Сердечный привет семейству от семейства.

Ваш[151]

* Может Вам лучше написать обоим одинаковые письма [примечание С. С. Прокофьева. — *Н. С.*]

25
Малько — Прокофьеву

Hammer am See, Č.S.R. Villa Marie
С 19 по 23 августа
Boleslavská 6, Praha XII —
это ständige Adresse[152].
С 25 августа по 26 октября
Statsradiofonien, Heibergsgade 7,
København K, Danmark.
29 июля 1933.

Получено 4 августа

Дорогой Сергей Сергеевич,

Сердечное спасибо!

Позвольте обратиться к Вам с рядом добавочных вопросов.

1) Говорили ли Вы Аркадьеву и Пшибышевскому, что я хотел бы сохранить возможность работать за границей, т. е. получить право выезда тогда, когда это будет нужно? В этом, конечно, весь вопрос. Когда-то Вы спрашивали меня, когда я был директором филармонии в Ленинграде, могу ли я Вам гарантировать обратный выезд. Теперь я нахожусь в том же положении с той лишь разницей, что у Вас было бесконечно больше шансов на исполнение Вашего желания.

2) Как имя-отчество Пшибышевского?

3) Есть ли у Вас лично те или иные впечатления по поводу моего дела?

Во всяком случае, я думаю, что Ваше участие в моем деле сделает больше, чем все остальное, и я надеюсь, что более или менее скоро мы с Вами увидимся и в Москве. Когда-то Вы говорили, что в этом смысле время работает за меня,

150 Андрей Сергеевич Бубнов (1884–1938) — нарком просвещения СССР.

151 ID:SPA_10884.

152 «Постоянный адрес» (нем.).

т. е. каждый год за границей (год хорошей работы) может укрепить мою позицию. Мне тоже это так представляется.

Еще и еще благодарю Вас.

Спасибо за брата. Мое поручение Вы передали несколько не так, потому он и удивился, но в общем цель та же. Раньше он понравился бы Вам еще больше, — у него редели волосы и одно время он был похож на Наполеона... Он добродушный и благожелательный человек, с ним уживаться очень легко. Долгое время он работал не по своему прямому делу, а по статистике, и это выработало в нем известное направление: он всегда отыскивает что-нибудь интересное. Придешь к нему, он пороется в книгах (он любитель книг, знает букинистов, отыскивает их, когда приезжает в новые города, и у него есть интересные вещи), так вот, пороется и расскажет что-нибудь весьма занимательное.

5-го мая должен был в Турине играть Скерцо и Марш из Апельсинов. Я предложил сыграть три пьесы: посередине Принца и Принцессу. Вышло хорошо. В Турине главный Радио-оркестр Италии. Дело молодое, работают очень солидно. В администрации и как дирижер работает Даниил Амфитеатров[153]. Знаете ли Вы его?

Там в Турине есть прибор, записывающий концерт. После концерта я слушал эту запись, — хорошо![154] Этот концерт должен был быть повторен в Палермо и еще одном итальянском городе.

Осенью в Копенгагене предполагаю играть два раза Классическую симфонию и раз сюиту из «Апельсинов». Может быть весной удастся сыграть там «Портреты»[155].

Сейчас мы на отдыхе и на работе. Берта Израилевна похварывала с января. Ей велено во что бы то ни стало потолстеть. Пока она «приняла» около трех кило. Для нее это немалый успех. Она уж не так легкомысленна. Я зубрю партитуры, ежедневно играю на фортепиано, ежедневно беру уроки английского языка у Берты Израилевны, оба перечитываем «Войну и Мир», купаемся, гуляем. Здесь очаровательно и... представьте, нет музыки (вблизи), никто не мешает! Замечательно!

Иногда играем в 4 руки Гайдна. Б. И. находит, что он ей больше нравится, чем Моцарт. Насчет «нравится» не знаю, но что у Гайдна больше данных (объективных) композиторских, это для меня ясно. И еще меня восторгает его оркестр, в котором вся основа нынешней оркестровой прелести. И еще обожаю его коды в медленных частях: здесь всегда он чем-нибудь удивит приятным. И еще его замечательная свобода от метрической условности, и еще многое другое.

---

153 Даниил Александрович Амфитеатров (1901–1983) — итало-американский дирижер и композитор, русский по происхождению.

154 Впечатления, производимые тогдашними звукозаписывающими аппаратами на музыкантов, были разными. 5 марта 1935 года, записав несколько своих вещей на английской Gramophone Company, Прокофьев пишет два письма руководителям компании и, поблагодарив их, указывает на неудовлетворительное качество звукозаписи, напоминая о «серебряном звучании» рахманиновских записей, выполненных в Америке («silvery sound of the Rachmaninoff's [recordings. — *Н. С.*] made in America») [14, *2*]. О недовольстве Прокофьева качеством звука упоминает и Д. Нис; см.: [15, *325*].

155 «Четыре портрета и развязка из оперы “Игрок”» для симфонического оркестра, ор. 49 (1931).

И при всем том он, конечно, устарел, и его музыка не может вызвать во мне того непосредственного чувства тепла, которое вызывает во мне, например, Ваша Классическая симфония.

Простите за болтовню.

Самые сердечные приветы.

Ваш Малько[156]

26
Берта Малько — Прокофьеву

Hammer am See, Villa Marie
до 20 августа 1933.
Č.S.R.
29 июля 1933.

Получено 4 августа

Дорогой Сергей Сергеич!

После того, как Вы были в Праге[157], у меня засела мысль о либретто. Я думала о Вашем желании найти героический сюжет, в котором участвовали бы массы, и мне захотелось сочинить такое либретто[158].

Мысли у меня были следующие: взять сейчас сюжетом борьбу за советскую власть или партизанские выступления крестьян и т. д. не имело бы смысла. Эти сюжеты уж очень много раз были представлены и драматургами, и композиторами. Особенно трудно, конечно, на театре показать в конденсированном виде эпоху, которая еще не кончилась. Так вот, переходя к делу, у меня мелькнула мысль взять момент борьбы за науку и вот в каком виде:

Название вещи (я думаю балет с введением пения — может быть, одного голоса и хора) — «Телескоп». Пишу Вам только краткое содержание и, если Вы мне напишете, что это Вас интересует и захотите что-нибудь сделать, я разработаю подробно. Конечно, я рассчитываю на Вас в том смысле, что, если Вам не понравится, Вы мне об этом просто скажете и мы поставим на этом точку.

Так вот:

1 картина

Метеорологическая станция в средней России. В обсерватории, где работают профессора, научные сотрудники и сотрудницы, отправляют экспедицию на север для метеорологических наблюдений у северного ледовитого океана. Проводы: приходят представители окружающих колхозов, совхозов, военные и т. д. Тут же можно ввести комический элемент: танец старых профессоров, сотрудниц.

2-ая картина.

Берег Северного океана. Приезд, установка аппаратов, инструментов и т. д. Эскимосы приходят, рассматривают все. Происходит так называемая «смычка» с племенем, эскимосы танцуют свои народные танцы.

156 ID:SPA_11021.

157 Прокофьев был в Праге в октябре 1932 года.

158 12 ноября 1929 года, будучи в Москве, Прокофьев записал в Дневнике: «Декламация с музыкой: то, что я имею в виду развить. Как хочется написать оперу или декламационную пьесу с пафосом, но где искать пафос» [8, *731*].

3-я картина.

Полярная ночь, эскимосская деревня. Наступила пора голода. Эскимосы не могут поймать ни одного тюленя, запасы вышли. Брожение. Приходит шаман, начинает свою дикую пляску и заклинанья. Постепенно эскимосы присоединяются к танцу и под конец вся толпа вертится в исступленной пляске. Шаман объявляет, что во всем виноват ТЕЛЕСКОП, который стоит у русских на станции и обращен к небу; этим он вызвал гнев богов. Надо разрушить станцию, уничтожить телескоп и все будет опять хорошо.

4-я картина.

Сцена имеет два плана: изба метеорологической станции с возвышающейся вышкой и место около нее. Среди ученых (человек 10–12) есть молодой научный сотрудник, на которого во 2-й картине явно обратила внимание одна молодая эскимоска. Внутри избы происходит научная работа. Над крышей снаружи видна труба телескопа. Эскимосы подкрадываются к дому. Случайно молодой сотрудник выглядывает в окно, понимает опасность. Быстро приготовляются к защите. Эскимосы нападают, наваливаются на двери, дверь под их тяжестью падает, они врываются в комнату. Свалка. В это время появляется девушка-эскимоска, она бросается в дом. В этот момент молодой человек (в которого она влюбилась), защищающий дверь, ведущую к телескопу на вышку, падает. Эскимос собирается вонзить в него нож, она как кошка прыгает на эскимоса и впивается зубами в его руку. Нож падает. Замешательство, студент опять вскакивает, она рядом с ним, помогает отбиваться. Незаметно в это время подкрадывается шаман и закалывает ее. Все набрасываются на студента, он падает, крик радости среди эскимосов, они хотят ворваться на вышку, но в это время раздается сирена, это приближается ледокол, который привез провиант зимовщикам. Испуганные эскимосы разбегаются. Приходят моряки, приводят в чувство раненых. Из укромных местечек появляются 2–3 спрятавшихся профессора.

5-я картина.

Ледокол стоит готовый к отплытию. Матросы грузятся. Последним погружают ящик с телескопом. Потом все строятся. Хоронят убитых сотрудников, среди них и девушку-эскимоску. Ледокол уходит.

Вот в кратких словах и все. Конечно, при тщательной разработке можно некоторые моменты изменить и дать им другую окраску, но это уж потом.

Итак, Сергей Сергеич, ответьте, как Вы находите все изложенное[159].

[159] Сценарий Берты Малько написан для постановки в СССР. Здесь представлены самые актуальные устремления советского общества, обозначены тенденции развития страны, сгенерированные официальной идеологией и широко растиражированные искусством того времени: преклонение перед наукой, даже ее фетишизация, готовность нести свет отсталым народам, впрочем, поддающимся окультуриванию в нужном ключе. Научно-технический прогресс выходил на авансцену истории как главная движущая сила ее развития. Дидактичность сценария, возможно, нужно объяснять не наивностью автора, а декларируемыми идеалами советского искусства. Драматический конфликт возникает в столкновении новой передовой силы общества — молодых представителей науки — с архаичными формами жизни, которой не коснулась история, которая не знает различий общественных формаций, смены старого новым и т. д. В либретто Берты Малько очень верно схвачены главные тенденции времени, отражен официальный дискурс. Комичное изображение пожилых ученых глубоко укоренено в злободневной советской идеологии: как представители старшего поколения, воспитанного в мрачное дореволюционное время, они вряд ли сумели должным образом перевоспитаться, а потому заслуживают взгляда насмешливо-снисходительного, при этом бдительного. Процесс внедрения в искусство подобных сюжетов в это время приобрел характер лавинообразный.

Мы оба очень жалели, что Вы с Линой Ивановной не заехали в Прагу по дороге из Москвы[160], признаться, мы Вас поджидали. Как Вы проводите лето? Мы остались в Чехии, живем у большого озера, здесь славно, но скучно из-за отсутствия людей, с которыми можно было бы поболтать как следует. Трудно с иностранцами нам сходиться, как будто из другого теста сделаны.

Сердечно приветствую Лину Ивановну и Вас

Берта Малько[161]

27
Прокофьев — Малько

N. Malko,
København.

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France.
28 Августа 1933.

Дорогой Николай Андреевич,

Я немного ездил по Савое и Швейцарии[162], а потому не поставьте в вину запоздалый ответ на Ваше <письмо> от 29 Июля.

1) Разумеется, мои разговоры с Аркадьевым и Пшибышевским я начинал с Вашего желания оставить за собой возможность продолжать работу за границей.

2) Имени и отчества Пшибышевского не помню, но надо писать не ему, а Аркадьеву, а лучше всего Аркадьеву и Бубнову.

3) Мои личные впечатления о Вашем деле скорее хорошие, т. е. что это вполне возможно, хотя конечно колебания могут быть и в ту и в другую сторону. Я считаю, что теперь дело за Вашим письмом. Тем, что Вы его напишете, Вы, во всяком случае, ничего испортить не можете.

В первых числах Октября я выеду сначала в прибалтийские страны, а числу к 18 Октября рассчитываю быть в Москве[163]. Если к тому времени Ваши письма уже будут там получены, то мне будет возможно при случае узнать, подвинулось ли дело. Если же Вы не напишете, то вторично начинать вопрос о Вас, после того как Аркадьев сказал «пусть он напишет», а Вы не написали, мне будет, пожалуй, неудобно.

В письме к Аркадьеву Вы можете сослаться на мой разговор с ним о Вас. В письме к Бубнову лучше обо мне не упоминайте.

Спасибо большое за либретто. Я еще сразу не уловил тот угол, под которым его надо взять, но чувствую, что такой угол может существовать. Но главное, это то, что я ищу сейчас не балетный сюжет, а оперный. Мариинский

160 Берта Малько имеет в виду поездку Прокофьевых в СССР, которая завершилась 6 июня.

161 ID:SPA_11025.

162 В конце июля — начале августа 1933 года Прокофьев ездил по Савойе, Альпам и Швейцарии. Поездку он совершал один, в автомобиле, взяв с собой книги, ноты и корректуры.

163 «В начале октября концерты в Латвии, Литве и Польше. В Москву предполагаю приехать 18-го» (письмо Прокофьева Мясковскому от 23 августа 1933 года) [9, *404*].

театр предложил мне написать балет на Тиль Эйленшпигеля[164], взятого в советском аспекте. Это выходило любопытно, но мне не хотелось браться за балет.

Крепко жму Вашу руку и шлю сердечный привет Берте Израилевне.

Ваш[165]

28
Малько — Прокофьеву
[Открытка]

København
19 сентября 1933.

Получено 21 сентября
Saint-Maxime

Дорогой Сергей Сергеевич.

Работы столько, что не успеваю Вам толково написать. В четверг 21 играю «Апельсины» (сюиту, 5 номеров). Концерт в 8.10, «Апельсины» после «Hebriden» (8 1/2) и Symph. Concert Haydn'a — 4 soli, orch. (21´), то есть около 8.40 вечера.

21 октября первый парадный концерт (до сих пор билеты не продаются, а раздаются, с 28 продаются очень дешево, и, кроме того, фраки, еще иностранные солисты — вот и «парадность»). Классическая симфония начинает концерт в 8 ч. 10. Потом Milstein[166].

Играл Классическую симфонию 6 сентября. Учил ее массу времени и очень не без пользы.

Сейчас получил — в № 24 «Рабочего и театра» — при статье Богданова-Березовского (он мне не отдал 15 рублей) «Музыкально-звуковой фильм» портреты — Ваш (по поводу «Подпоручика Киже») и Шостаковича[167].

Сердечный привет

Ваш Малько[168]

---

164 Балеты на сюжет романа Ш. де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле» написали композиторы У. Кеддерич (постановка: Лейпциг, 1965,), Е. Глебов (постановка: Минск, 1974).

165 ID:SPA_11127.

166 Натан Миронович Мильштейн (1903–1992) — американский скрипач, родился в России. Ученик П. Столярского, Л. Ауэра. Выступал совместно с В. Горовицем; находясь в гастрольной поездке 1925 года, они решили не возвращаться в СССР. Активно концертировал до 1988 года.

167 «Рабочий и театр» — театрально-художественный журнал. Выходил с сентября 1924 по декабрь 1937 год в Ленинграде. Статья В. Богданова-Березовского [2, *14–15*] называется «Слушая звуковой фильм... (в порядке постановки вопроса)». В статье действительно помещены маленькие изображения Прокофьева и Шостаковича и написано, музыку к каким фильмам они сочинили. Однако в тексте Прокофьев, как и его «Подпоручик Киже», не упоминается ни разу.

168 ID:SPA_11189.

28
Малько — Прокофьеву
[Открытка]

M-eur Serge Prokofieff
5, rue Valentin Haüy
Paris XV
France
2 октября 1933 года

Prof. Nikolai Malko.
Malmogade 3/mezz
København Ø
Danmark
Получено 4 октября

Дорогой Сергей Сергеевич, хочется думать, что я Вас еще застану в Париже. Надеюсь, Вы слушали свою музыку, как я писал Вам[169]. Кстати, отчего бы Вам раз навсегда не исправить ошибок в Ваших пьесах. Вот в Symphonie Classic в 1 части в начале репризы (C-dur) оказалась ошибка в альтах: 4 раза e вместо d. Очевидно так и играли десятки раз. Неплохо бы раз навсегда все это внести и в другие экземпляры.

На днях напишу т. Бубнову и Аркадьеву, так что, когда Вы будете в Москве, письма будут там. Конечно, буду Вам чрезвычайно благодарен, если снова вспомните о моем деле.

Либретто — это не я, а моя жена. Она рада, что Вы в нем как-то заинтересованы, но просит Вас определить время, оно может быть большим, пока либретто считается за Вами. Ей бы <не> хотелось, что называется, потерять его.

Здесь работа идет отлично. Город с его парками и утками по-прежнему мне очень нравится.

Вам и Вашему дому шлем самый хороший привет.

Ваш Малько[170]

29
Малько — Прокофьеву

Malko
Malmogade 3/mezz, København, ø
Danmark.

С 27 октября Boleslavská 6,
Praha XII Č.S.R.
16 октября 1933.

Получено 21 октября.

Дорогой Сергей Сергеевич!

В Kaunas я дирижировал много раз и в опере, и в концертах. Я знал Kaunas еще тогда, когда вся Laisves Aleja[171] была мощена булыжником. При мне начали

[169] Малько сообщал Прокофьеву, что 21 сентября 1933 года будет играть на Радио сюиту из оперы «Любовь к трем апельсинам» (5 номеров). См. предыдущее письмо от 19 сентября.

[170] ID:SPA_11223.

[171] Laisves Aleja (Лайсвес-аллея — Аллея Свободы) — пешеходный бульвар, главная улица Каунаса.

ее асфальтировать, и с каждым приездом я спрашивал, сколько метров наново замощенных увижу я теперь. Так что относительно Kaunas мы с Вами поспорим! Видели там Dvarionas'a?[172] Он очень способный, но с дефектами внутренне организационного порядка.

Одновременно идут письма avis-recommandé[173] т. Бубнову и Аркадьеву. Заранее спасибо за разговоры обо мне.

О Ваших «зрелых» опусах. Вряд ли мне надо особенно до них развиваться[174]. Третью симфонию[175] я несколько знаю, принимаю. Люблю ли, могу сказать лишь после того, как услышу в оркестре. «Портреты» меня очень интересуют. Партитуры не видал. Не попробуете ли Вы «развить» Ваше издательство и перестать делать тайны из Ваших сочинений, как для тех, кого надо «развивать», так и для тех, кто просто хочет с ними познакомиться.

Другое дело — для Вас, наверное, ясное: далеко не от одного только дирижера зависит поставить то или иное сочинение на программу (и это правильно!). Например, в марте в København'е будет играть по моему выбору Szigeti[176] и по моему же предложению Ваш концерт[177]. Holm[178] очень расспрашивал меня, какого периода это сочинение и не очень ли modern.

Я, например, хотел бы, чтобы Вы играли здесь в будущем сезоне, но... 5-й концерт[179] здесь играть еще нельзя, а 2-й[180] пожалуй можно. Или 1-й[181] и solo.

Здесь работы миллион, а тут еще много времени отняли Milstein[182] и особенно жених — Horovitz[183]. Теперь — Hindemith[184].

Вам от нас обоих пожелание самых фантастических успехов!

Приветы от обоих сердец.

Ваш Малько

---

172 Балис Дварионас (1904–1972) — литовский композитор, пианист, дирижер, педагог. Учился в Лейпциге, Берлине, Зальцбурге. Вся творческая деятельность музыканта была связана с Литвой.

173 Avis-recommander (фр.) — «заказное».

174 Письма Прокофьева нет; возможно, это не случайность. Совет развиваться он давал людям, которые были неосторожны в отзывах о его музыке.

175 Третья симфония до минор ор. 44, 1928.

176 Йожеф Сигети (см. сноску 40).

177 Первый концерт для скрипки с оркестром D-dur op. 19 (1916–1917).

178 Эмиль Хольм (см. сноску 42).

179 Пятый концерт для фортепиано с оркестром G-dur op. 55 (1932).

180 Второй концерт для фортепиано с оркестром g-moll op. 16 (1913, 1923).

181 Первый концерт для фортепиано с оркестром Des-dur op. 10 (1911).

182 Натан Миронович Мильштейн (см. сноску 166).

183 Владимир Самойлович Горовиц (1904–1989) — русский пианист. Жил в Европе и США. Провел премьерные исполнения в Америке Седьмой и Восьмой фортепианных сонат Прокофьева.

184 Пауль Хиндемит (1895–1963) — немецкий композитор, дирижер, исполнитель на различных струнных инструментах, включая виоль д'амур. Жил в Швейцарии и США. С оркестром под управлением Малько играл в Копенгагене свой Концерт для альта с оркестром «Der Schwanendreher».

P.S. Соберитесь, исправьте всю массу ошибок в изданиях Ваших сочинений и lassen Sie[185] внести поправки во все экземпляры партитур и голосов. Это очень разовьет качество исполнения Ваших опусов, как недозрелых, так и зрелых[186].

31
Берта Малько — Лине Прокофьевой
[Открытка]

5, rue Valentin Haüy
Paris XV

Praha XII,
Boleslavská 6.
9–11–1933.

Дорогая Лина Ивановна, пишу Вам на авось, так как не знаю, остались ли Вы в Париже. Дело в том, что Николай Андреевич будет исполнять 15 ноября (в среду) «Портреты» Сергея Сергеевича. Нет ли у Вас каких-нибудь сопроводительных программ или заметок к этой сюите? Если бы Вы смогли бы прислать их тотчас нам, они бы могли быть полезны Николаю Андреевичу, и он бы был Вам очень признателен. Если можно, пришлите express, так как 12-го воскресенье, а 13-го первая репетиция.

Что у Вас? Напишите несколько слов о себе. Собираетесь ли Вы разъезжать в этом сезоне? Доволен ли С<ергей> С<ергеевич> своим пребыванием в Москве? Мы приехали в Прагу только неделю тому назад. В Kopenhagen'е было очень хорошо. Жаль, что Вы сейчас не приезжаете в Прагу, наша квартира выглядит гораздо уютнее и на днях у нас будет лишний диван на случай неожиданного приезда кого-нибудь из друзей.

Итак, ждем от Вас известий.

Целую Вас, Николай Андреевич приветствует.

Берта Малько[187]

32
Лина Прокофьева — Берте Малько

Париж,
13 Ноября 1933.

Дорогая Берта Израилевна,

К сожалению Ваше письмо пришло слишком поздно, и уже не было возможности выслать Вам заметку о «Портретах». Жаль, что Вы не подумали об этом раньше.

Как раз сегодня получила письмо от Сергея Сергеевича. Он как всегда очень доволен своим пребыванием в СССР[188], концерты его проходят с большим успехом и вообще у него там много дел. Я ездила с ним весной на Кавказ и получила огромное удовольствие, хотя поездка была весьма утомительна для меня. На этот раз я осталась в Париже.

185 «Позвольте» (нем.).

186 ID:SPA_11266.

187 ID:SPA_11316.

188 В середине декабря, по возвращении из СССР, Прокофьев ездил с концертами по Италии.

В настоящее время, к сожалению, не предвижу поездки в Прагу, чтобы полюбоваться устройством Вашей квартиры, но С<ергей> С<ергеевич> будет в Праге 18 Января. Много занимаюсь — пою 3 Января в Риме. Дети здоровы, растут.

Целую Вас. Сердечный привет Николаю Андреевичу.

Ваша[189]

33
Берта Малько — Лине Прокофьевой

Praha, Boleslavská 6, Praha XII.
20.XI.1933

Дорогая Лина Ивановна!

Очень жаль, что Вы все же не прислали никаких материалов о «Портретах». Ваше письмо пришло в день концерта и всякое пояснение было бы полезно Н<иколаю> А<ндреевичу>. Я не могла написать Вам об этом раньше, так как о концерте мы узнали очень поздно и программа была установлена чуть ли не за неделю до концерта.

Посылаю Вам одну из рецензий[190]. Портреты имели хороший успех. Если у Вас есть материалы и пояснения к этой пьесе, то пошлите нам теперь. Возможно, что Николай Андреевич поставит ее на программу в каком-нибудь из городов и обидно будет, если мы опять опоздаем.

Когда С<ергей> С<ергеевич> вернется в Париж?

Может случиться, что ко времени его приезда в Прагу мы будем в Лондоне или в Вене. Это будет очень обидно. На всякий случай запишите наш номер телефона 50061.

Будьте здоровы, целую Вас, сердечный привет от Николая Андреевича.

Берта Малько

[*Рукой Н. А. Малько:*]

Многоуважаемая Лина Ивановна, прошу Вас, пришлите о «Портретах» что у Вас есть теперь же, ибо это мне нужно независимо от ближайшего исполнения.

Приветы!

Малько[191]

34
Прокофьев — Малько

Н. Малько,
Прага.

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France.
20 Декабря 1933.

Дорогой Николай Андреевич,

Пробыл в СССР до I Декабря, затем ездил в Италию[192] и на днях вернулся в Париж. Приятно было узнать, что Вы играли в Праге «Портреты». Повторяли

189 ID:SPA_11324.

190 В собрании SPA эта рецензия не сохранилась.

191 ID:SPA_11344.

192 7 декабря 1933 года Прокофьев писал из Рима Мясковскому: «В Риме тепло, на улицах продают цветы» [9, *407*].

ли где-нибудь еще и каково Ваше личное впечатление от них? В Риме Молинари сыграл III симфонию[193], очень хорошо, — это почти что первое настоящее исполнение, благодаря ясности которого она достигла публики и вызвала большой успех.

Из разговора с целым рядом лиц в СССР я пришел к заключению, что конъюнктура для Вашей поездки туда вполне благоприятная: малое количество настоящих русских дирижеров и постоянные наскоки иностранных заставляют ценить хороших своих и относиться к ним бережно. Вообще есть тенденция (такая же тенденция в живописи) втягивать обратно случайно ушедшее за границу, но делать это в приятной для ушедших форме, дабы они почувствовали преимущество возвращения. Из всего заключаю, что Вам легко будет добиться разрешения на будущие выезды, тем более что этому за последнее время не особенно противятся, поскольку не надо выдавать валюту.

Сектор Искусства, которым заведывал Аркадьев, в настоящее время упразднен, хотя Аркадьев и продолжает играть роль. С Бубновым мне удалось повидаться только за несколько дней до отъезда, но к сожалению беседа сложилась так, что не пришлось поднять разговор о Вас. О всяких подробностях рассчитываю поговорить с Вами 18 Января, на каковой день назначен мой клавирабенд в Праге. Неужели Вы будете в разъездах?

Передайте нежнейший привет Берте Израилевне. Крепко жму Вашу руку. От Лины Ивановны приветствие Вам обоим.

Ваш[194]

35
Малько — Прокофьеву

Прага,
5–1–34.

Получено 10 января.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Мы собираемся в Англию. Вышла задержка с голландской визой. К удивлению, получили без труда транзитную французскую визу. Уже были взяты билеты и приготовлена телеграмма Вам о том, что в субботу тогда-то проезжаем Париж. В Париже остановка больше трех часов, и мы рассчитывали Вас увидеть. Утром телефон — прибыла голландская виза. Все пришлось переделывать: менять билеты, получать визы.

Нам жаль, что Вас не увидим, но ехать все же надо через Голландию, и вот почему: мы ездим в 3-м классе и провести в пути в таких условиях 37 часов трудно, принимая во внимание, что Берта Израилевна не блещет силой и здоровьем, и я последние месяцы хвораю (мучительная возня с моей экзематичной кожей). А на голландском пароходе можно чуть не 5 часов поспать, это почти счастье.

[193] Бернардино Молинари (1880–1952) — итальянский дирижер. С 1912 по 1944 год руководил оркестром Августео. 7 марта 1915 года провел исполнение Второго фортепианного концерта Прокофьева (солист — автор). Это была та первая редакция Второго концерта, которая впоследствии пропала и композитор написал вторую, в которой, по его словам, многое переменил.

[194] ID:SPA_11408.

Ил. 2. С. С. Прокофьев и Н. А. Малько в студии звукозаписи. Прага, 1935.
(Из личного архива Ю. Н. Малько)

Figure 2. Serge Prokofiev and Nikolai Malko in the recording studio. Prague, 1935.
(From the private archive of George Malko)

Ил. 3. С. С. Прокофьев и Б. И. Малько (справа; слева неизвестное лицо). Прага, 1938.
(Из личного архива Ю. Н. Малько)

Figure 3. Serge Prokofiev and Berta Malko (on the right; unknown person on the left). Prague, 1938.
(From the private archive of George Malko)

Я вернусь в Прагу 28 января, Берта Израилевна останется еще в Лондоне (изучение языка). Жаль очень, что не увидим Вас в Праге. Мне так это хотелось и вообще, и по эгоистическим соображениям: смертельно хочется ехать в СССР и не вижу пути к осуществлению этого. Написал Бубнову и Аркадьеву. Оба не ответили. Это меня не удивило, там насчет ответов вообще туго. Ехать на ура я не могу: я связан материально с многими родными и близкими, должен выколачивать валюту, второе, — я не считаю ни нужным, ни возможным прекращать хорошую и нужную не только для меня, но и для советского престижа работу на Западе, другими словами, все сводится к тому, о чем Вы писали перед своим первым приездом в СССР: дайте гарантию, что выпустите обратно. У меня нет не только гарантии, но, что может быть важнее, нет протекции. Можно гордиться тем, что у меня никогда не было протекции ни во время службы в императорском театре, ни после революции, но «мине от этафо ни лекче».

С другой стороны, я чувствую: Вы были правы, когда говорили, что время работает на меня. Теперь больше, чем раньше, я надеюсь, что буду работать в СССР, не прерывая связи с Западом: достаточно внимательно смотреть газеты и журналы, которые в больших количествах присылает мне брат.

«Портреты» в Праге были выучены и сыграны хорошо[195]. В Праге новые сочинения, если они не чешского или по крайней мере не французского происхождения, обычно успеха не имеют и встречаются недоверчиво. При этих условиях можно отметить несомненный успех «Портретов». И в прессе хвалили. Всю прессу я послал Веберу вместе с программкой.

26 января в Лондоне в Радио (по-видимому с публикой) дирижирую программу современных советских авторов: «Портреты», 7-ую Мясковского[196] и по их желанию повторяю «Нос» Шостаковича[197]. Начало в 9 часов по английскому времени.

Вы спрашиваете мое впечатление. Целиком, как симфоническое сочинение, нравится больше, чем «Апельсины» или «Шуты»[198]. Затрудняет клочковатость музыки. 1-ю и последнюю части я дирижировал наизусть и в таком случае есть проверка: в первой части я часто ошибался в определенных местах, даже на концерте была затычка в памяти и именно вследствие того, что музыка из кусочков, не всегда для меня убедительно связанных. В этом смысле для меня наилучшая часть финал. Потом 1-я, Генерал. Мне кажется, что в 3-й симфонии совсем нет этой разорванности. Надеюсь, удастся и до нее добраться, — ведь это далеко не от меня одного зависит.

Простите, что пишу то, что, может быть, Вам не нравится, но Вы сами спросили, а отвечать не то, что думаю — бессмыслица.

Караул, надо бежать на вокзал.

Еще одно: освободите либретто балета Берты Израилевны: Вы написали так, что Берта Израилевна считает себя связанной и не может им распоряжаться[199].

---

195 Впервые Малько продирижировал сюитой 15 ноября 1933 года.

196 Симфония си минор в двух частях ор. 24 (1922).

197 Симфоническая сюита из оперы «Нос» в 7 частях ор. 15а (1928).

198 Н. А. имеет в виду симфоническую сюиту «Шут» ор. 21bis (1922).

199 См. выше письмо Берты Малько от 29 июля (№ 26) и ответное письмо Прокофьева от 28 августа 1933 года (№ 27).

Скажите просто, что оно Вам не будет нужно, это необходимо для порядка: тогда Берта Израилевна может им распоряжаться.

От нас обоих вам всем — самое лучшее.

Ваш Малько[200]

36
Малько — Прокофьеву

47, Belsize Park, London N.W.3...
tel. Primrose 2190
15 января 1934 г.

Получено 16 января

Дорогой Сергей Сергеевич,

26/I в 9 часов вечера по английскому времени дирижирую в BBC (studio в Broadcasting House[201], «before audience»[202].) «Портреты».

Репетиции 25/1 в 10 утра, в 2½, в пятницу 26/1 в 10 утра. Сообщаю на случай, ибо 31 Вы здесь играете[203]. Во всяком случае, я уезжаю 27 утром, а Берта Израилевна остается еще несколько недель в London`е и при желании Вы можете ее увидеть.

Очень приветы

Ваш Малько[204]

37
Прокофьев — Малько

Н. Малько, Лондон

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France
16 Января 1934

Дорогой Николай Андреевич,

Конечно, легко бросить в меня камнем за клочковатость «Портретов», буде Вы знаете, как они создавались, и особенно после того как, не совсем твердо выучив, Вы ощутили заскоки на стыках. Все же льщу себя надеждой, что при повторных исполнениях стыки сгладятся и Вы вдруг ощутите даже некоторую текучесть. С музыкальной точки зрения я лично предпочитаю оба женских портрета.

26-го, увы, я сам составляю Вам конкуренцию в эфире, исполняя в радио в Турине Пятый концерт. В Лондон приеду 29-го вечером и с величайшим удовольствием разыщу Берту Израилевну. От покусительства на ее либретто освобождаю ее, ибо пришел к заключению, что балет для Большого театра надо писать все-таки «великолепный», с бархатными костюмами и пр. Иначе публика не ходит.

200 ID:SPA_11503.

201 Дом Радиовещания в Лондоне, штаб-квартира BBC. Передачи из здания в Портленд-Плейс начались в 1932 году.

202 «С публикой» (англ.).

203 Концерт Прокофьева в Лондоне 31 января 1934 года.

204 ID:SPA_11550.

Читал, что в Ливерпуле только что исполнялась симфония Мясковского. Соединив это с тем, что Вы написали мне на открытке ливерпульского отеля, сообразил, что это Вы. Неужели опять Пятая? Надо играть Тринадцатую: Мясковский показывал ее мне в Москве, и это несомненно одна из лучших его симфоний, к тому же гораздо более свежая в смысле использования оркестра[205].

Сегодня еду в Прагу. Как жаль, что Вас там не будет. Придется утешаться за шахматной доской с Ильиным-Женевским![206]

Много приветов.

Ваш

Польщен, что Вы адаптировали мой сокращенный стиль для писем. Не предложить ли его Бубнову, для обязательного введения в советские школы?[207]

38
Малько — Прокофьеву

Boleslavská 6, Praha XII
20 апреля 1934.

Получено 18 мая.

Дорогой Сергей Сергеевич,

Спасибо за открытку.

Мои дела с Москвой в следующем положении: после разговоров двоих лиц, которым я писал (дирижер Хайкин[208] и управляющий делами Большого театра Биндлер[209]), директор филармонии Райский[210] прислал мне телеграмму с предложением занять должность постоянного дирижера в Филармонии. Я ответил, что у меня есть уже ряд контрактов на будущий год вплоть до конца сезона и потому я не могу приехать на весь сезон, но был бы рад приехать на время, для чего сумел бы найти сроки. Конечно, сделать я это мог бы только при условии, что мне будет гарантирована возможность выполнить мои дальнейшие обязательства за границей. Мне пишут, что моим ответом в Филармонии «огорчены» и будут мне писать. Посмотрим.

---

205 В советском музыкознании Тринадцатая симфония долгое время считалась неудачной.

206 Александр Федорович Ильин-Женевский (1894–1941) — шахматист, литератор, журналист, теоретик шахмат. Большевик по убеждениям, участвовал в революции 1917 года. Участвовал в I Московском международном турнире 1925 года и 18 ноября одержал сенсационную победу над чемпионом мира и любимцем московской публики Хосе Раулем Капабланкой.

207 ID:SPA_11558.

208 Борис Эммануилович Хайкин (1904–1978) — советский дирижер. Ученик К. С. Сараджева и Н. А. Малько, занимался также у Н. С. Голованова и В. Сука. Дирижировал в театрах Ленинграда и Москвы. С 1954 года до смерти служил в Большом театре.

209 Илья Григорьевич Биндлер — в 1936–1937 годах служил управляющим делами Большого театра.

210 Назарий Григорьевич Райский (1875–1958) — директор Росфила (1933–1934), в 1939–1942 годах художественный руководитель музыкального радиовещания, заведующий Большим залом Московской консерватории. В молодости — певец (лирико-драматический тенор), вокальный педагог, искусствовед.

В Лондоне тоже огорчены тем, что Московский армянский квартет[211] после всех заверений и телеграмм вдруг не приехал. То же произошло с Гавриилом Поповым[212]. Последнее в B.B.C.[213] не понимают, ибо Попов был приглашен по Вашей просьбе и англичане не представляют себе создавшегося положения. Спрашивали меня совета, как же быть дальше с приглашением советских артистов. Я не мог дать никакого совета.

Я дважды дирижировал в Лондоне «Бориса»[214]. Пользуясь тем, что Вы в Москве, и предполагая, что «дело Мусоргского» Вам не чуждо, хочу сказать Вам два слова о том положении, в каком очутится всякий, пожелающий поставить «подлинного» «Бориса». В клавире есть много сносок, которые указывают якобы на невероятную тщательность редакторов по отношению к тексту, партитуре, их расхождениям и т. д. На самом же деле не указано множество расхождений клавира с партитурой (вплоть до иной группировки тактов, иного расположения вокальной строчки, существенных различий самой музыки).

Кроме того, в партитуре и особенно в голосах ошибок, точно вшей на беспризорном в тифозное время. Прибавьте скверную бумагу, тесноту и чрезвычайную неясность голосов и поймете, что случится, когда за «Бориса» пожелает взяться кроме меня другой дирижер.

Два года тому назад я писал обо всем этом Н. Я. Мясковскому с просьбой передать это все Ламму[215], ибо он «на письма не отвечает» (Вы представляете, как к этому свойству отнесся бы любой заграничный дирижер, который работал бы над «Борисом»!).

С тех пор прошло два года (даже больше), и материал «Бориса» находится в таком же безобразном состоянии, как и был.

Хотел я получить материал из Вены, над которым столько поработал в Берлине, но получить его нельзя было из-за какого-то странного недоразумения

---

211 Квартет им. Комитаса. Был основан в 1924 году студентами Московской консерватории. До 1976 года квартет базировался в Москве, с 1976 года его постоянная база — Ереван.

212 Гавриил Николаевич Попов (1904–1972) — советский композитор, ученик В. Щербачева, автор многих произведений, в том числе знаменитого Септета ор. 2 (1927; в 1971 году, при издании, композитор дал этому сочинению название Камерная симфония, не изменив при этом ни одной ноты), шести симфоний, нескольких инструментальных концертов. Среди его работ — камерные сочинения, незавершенная опера «Александр Невский», музыка к кинофильмам.

213 B.B.C. — British Broadcasting Corporation (Британская вещательная корпорация), в настоящее время — Британская общенациональная телерадиовещательная организация). Основана в 1922 году. В 1936 году запустила телеканал BBC Television Service.

214 Соученик Прокофьева по консерватории Владимир Александрович Дранишников в 1928 году представил публике Кировского театра «Бориса Годунова» в авторской редакции. Подлинного Мусоргского в его собственной оркестровке стали исполнять многие дирижеры. Тогда же вышло четырехтомное издание партитуры оперы, подготовленное Б. В. Асафьевым и П. А. Ламмом, клавир оперы. Н. А. Малько впервые исполнил «Бориса Годунова» на берлинском радио в 1932 году, в 1934 году — в Лондоне, на сцене.

215 Павел Александрович Ламм (1882–1951) — пианист, редактор, музыковед, текстолог. Вместе с Асафьевым активно работал над восстановлением авторских текстов русских композиторов-классиков (Мусоргский, Бородин, Чайковский). Сотрудничал с Прокофьевым, переводя по указаниям автора его дирекционы в партитуры; осуществил переложения ряда его симфонических опусов (для фортепиано в 8 рук).

между Москвой с одной стороны, Оксфордом[216] и «Универсаль Эдисьон»[217] с другой.

Повторяю, пишу Вам только потому, что дело с изданием подлинного Мусоргского может оказаться Вам не чуждым. Тогда, возможно, Вы сумеете объяснить кому надо вред такого положения и убедить в необходимости хотя бы самой поверхностной корректуры партитуры и голосов*. Если же Вас это дело в корне не интересует, то прошу о моем письме и не заикаться, ибо меня совершенно не интересует возможность или необходимость бесцельно наговорить неприятности Ламму или Асафьеву.

Я прилетел из Лондона 17-го — и 19-го уже дирижировал здесь. Берта Израилевна «дохварывает» в Лондоне и вернется дней через 10.

Всего доброго и приветы — Вам и тем, кому случайно передадите.

Ваш Малько[218]

* В London'е с возмущением повторяли: сколько тратится лишних времени и денег. А я с грустью добавлял: и как это отражается на качестве работы! (Больше ¼ оркестровых репетиций ушло только на ошибки академического издания, и это после громадной работы опытнейшего в Англии библиотекаря!) (примечание Н. А. Малько. — *Н. С.).*

39
Малько — Прокофьеву
[Открытка].

Москва 19, Гоголевский бульвар,
Сивцев Вражек 4 кв. 11.
Н. Я. Мясковскому для С. С. Прокофьева
Moskva, U.S.S.R.
8 июля 1934 года.
Получено 23 июля.

Hammer-am-See, Nord Böhmen, Č.S.R.
Villa Marie — это до 19 августа,
потом до 25 октября
Statsradiofonie, København.

Дорогой Сергей Сергеевич, Получил Ваше письмо из Казани[219]. Позавидовали. Что же это с Московской филармонией? Почему Вы не имеете с ней дела, и как это вообще возможно?[220] Конечно, ответа из Филармонии я не получил, и дело о моей поездке в СССР не двинулось ни на шаг.

Что до «Бориса», то дело не только в голосах, но и в несоответствии партитуры с клавираусцугом — это во всяком случае хуже голосов, и ответственны в этом редакторы.

216 Oxford University Press.

217 См. сноску 50.

218 ID:SPA_13262.

219 В июне 1934 года Прокофьев плавал на пароходе «Жорес» по рекам Каме и Белой.

220 Оркестр филармонии находился в неудовлетворительном состоянии, с целью повышения художественного уровня коллектива велись переговоры с рядом дирижеров, о чем Прокофьев в это же время переписывался с Мясковским.

В Paris, к сожалению, все не удавалось почему-то встретиться с Линой Ивановной. Лишь в конце, когда мы из-за Toscanini[221] остались несколько дней, наладилась встреча. Потом были еще раз, когда у Лины Ивановны был народ. К сожалению, был некий Фр. Ферру[222], который «только хотел со мной познакомиться» и который тотчас бесцеремонно стал навязывать мне свои сочинения (и даже очень бесцеремонно) и уже прислал партитуры. Потом я узнал, что он — критик. Недаром Scherchen[223] держит в Париже его, Фл. Шмита[224] и еще кого-то в этом роде... Лазарь Леви[225]. Нам здесь хорошо. Я много работаю, но и природу вкушаем. Жена работает над русской грамматикой и синтаксисом (честное слово!). Оба работаем по языкам. Приветы Вам и Николаю Яковлевичу.

Ваш Малько[226]

40
Прокофьев — Малько

N. Malko,
Hammer am See, Tchécoslovaquie.

5, rue Valentin Haüy,
Paris XV, France.
26 Июля 1934.

Дорогой Николай Андреевич,

Я уехал из Москвы 10 Июля, и Вашу открытку Мясковский переслал в Париж[227].

В Московской Филармонии междуцарствие продолжалось до моего отъезда. Я потому предпочитал давать концерты с радио, что, во-первых, там оркестр лучше, чем в Филармонии, а во-вторых, музыкальной его частью заведует очень приличный человек, Борис Евсеевич Гусман[228], с которым гораздо легче вести дела, чем с постоянно меняющимися дирекциями Филармонии. В Ноябре и Декабре я буду снова выступать с оркестром радио. Открытые концерты они дают в Большом зале Консерватории или в Колонном зале, иногда же в собственном, но он мал (900 человек) и плох акустически. Постоянные дирижеры в радио

[221] Артуро Тосканини (1867–1957), итальянский и американский дирижер.

[222] Пьер-Октав Ферру (1900–1936) — композитор, музыкальный критик, автор нескольких инструментальных сочинений.

[223] Герман Шерхен (1891–1966) — немецкий дирижер и педагог.

[224] Флоран Шмит (1870–1958) — французский композитор и дирижер. Занимался также критической деятельностью.

[225] Лазарь Леви (1882–1964) — французский пианист и композитор. Широко концертировал в Европе, Израиле, Японии, бывал в СССР. Впервые исполнил многие сочинения М. де Фалья и Д. Мийо. Был выдающимся фортепианным педагогом.

[226] ID:SPA_12005.

[227] См.: [9, *425*].

[228] Борис Евсеевич Гусман (1892–1944), театральный критик. В разные годы занимал административные должности: заместителя директора и заведующего репертуарной частью Большого театра, заведующего сектором искусств в Управлении центрального радиовещания и др.

теперь Гаук и Себастьян, но гастролеры тоже занимают значительную часть сезона (Фительберг[229], Фрид[230] и др.).

Мне трудно сказать, на которое из двух учреждений выгоднее Вам делать ставку, но я думаю, что Вы могли бы переписываться с обоими, тем более что Гусману я говорил о Ваших желаниях. Вообще, хотя Ваша поездка в СССР и попала в некий период стоячей воды, но время продолжает работать на Вас, т. к. с одной стороны, Ваш престиж за границей увеличивается, а с другой стороны, в СССР все больше и больше нуждаются в квалифицированных спецах, и следовательно, относятся к ним с большим вниманием.

Самый сердечный привет Берте Израилевне и Вам от нас обоих. Извините за Феру.

Ваш[231]

41
Малько — Прокофьеву

До 26 октября
Malmøgade 3/mezz, København ø
Потом Boleslavská 6, Praha XII,
12 сентября 1934 г.

Получено 18 сентября

Дорогой Сергей Сергеевич,

Очень прошу, ответьте мне поскорее на вопрос: можно ли послать деньги на польскую станцию, пограничную с Негорелым[232] (кажется, Столбцы)[233] на имя пассажира, который будет проезжать эту станцию с советским паспортом!

Дело в том, что моему ученику дирижеру Шерману[234] после двухлетних пыток дали наконец паспорт (болезнь ступней ног, инвалид, страдалец, надо снова делать операцию). Ему не дали права взять ни одного цента, решили, что я буду платить. Я и буду это делать, но человеку надо доехать, он инвалид, часто на костылях, не может тащить чемоданы, а в Столбцах и в Варшаве пересадки.

---

229 Гжегож Фительберг (1879–1953), дирижер, композитор, скрипач. В 1914–1921 жил и работал в Петербурге. Друг Прокофьева. Его концерты после большого перерыва прошли в СССР в 1933 году.

230 Оскар Фрид (1871–1841) — немецкий дирижер и композитор. Считал себя учеником Малера и страстно пропагандировал творчество австрийского композитора. Много работал в СССР, умер в Москве.

231 ID:SPA_12035.

232 Негорелое — до 1921 года почтовая, а с 1921 по 1939 год — советская пограничная станция в 48 километрах от Минска.

233 Столбцы — основанное в 1593 г. как польское поселение на берегу Немана, в 1793 году было включено в состав Российской империи. В результате советско-польской войны в 1921 году отошло к Польше. С 1939 года — в составе БССР. В момент написания этого письма Столбцы — польская пограничная станция. Владимир Маяковский, который проходил в Столбцах таможенный досмотр, написал здесь стихотворение о советском паспорте. Столбцы и Негорелое расположены на расстоянии примерно 15 км друг от друга.

234 Исай Эзрович Шерман (1908–1972) — дирижер, концертмейстер, педагог. Был дирижером-постановщиком балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» в Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова (1940).

У Вас, если не ошибается Берта Израилевна, счет в Столбцах. Вот и прошу сообщить, на чье имя, как посылать.

Спасибо за доброжелательство в отношении поездки в СССР (когда мне говорят комплименты, сравнивая с Toscanini, я отвечаю: да, между нами кое-что общее есть: Toscanini не хочет дирижировать в Италии, а я пока не могу в Союзе). Я получаю много газет и журналов из Москвы, многое в смысле развития, отставания, движения перемен для меня ясно. Многое рассказал Вл. Фогель[235], с которым случайно встретились на одной маленькой станции в Чехии, ехали вместе, а потом он был у нас. Для меня ясно: положение Филармонии в Москве трагично — никто ею не интересуется, а в Radio и служить выгоднее, и учреждение в смысле продукции на виду — дело музыкальное там, видно, развивается как одно из звеньев всего Radio. Не хотят понять, что Radio никогда не уничтожит потребности в настоящей Филармонии, которая должна обслуживать не только Москву и РСФСР, но и весь Союз (поездки) и ездить за границу. Не понимают, что оркестровое исполнение в Союзе не на высоте, что «Себастианы»[236] его не спасут. Главное — понимают, что Москва — театральный город, и не интересуются музыкальным исполнением, и большинство не сознает необходимости добраться до настоящей музыкальной культуры и в школе, и на эстраде. Вот на Украине в этом отношении есть движение вперед, возможно и результаты будут заметные.

Что до меня лично, я уже думаю, что время за меня. Лет через 20 наверно можно будет работать и в Союзе, и за границей. Трудно ждать, а пока единственный путь — протекция. У меня ее нет. Старое по закваске рвотное отношение к протекции вообще, а теперь жалею, готов был бы и по протекции ездить. Вы были правы, когда сказали мне в Париже — «разве можно уехать и никого не оставить»...

Еще раз спасибо Вам за желание помочь. С удовольствием связался бы с Гусманом. Про него слышал хорошее. Главное — говорили, что он серьезен. Такая редкость...

Еще одно — сообщаю Вам исключительно для сведения: сестра Мясковского в Brno бедствовала до крайности (болезни у больших и малых — 5 ребят, младшему года 2). Наконец летом выселили из квартиры (уже новой, крохотной, в 1 комнату). Они переехали в Bratislava (Presburg), где муж Варвары Николаевны[237] пытается как-то работать со своим братом. Мы делали что могли — деньги и особенно вещи, но у меня около 14–15 полных или неполных иждивенцев, мне трудно помогать случайным людям (а некоторые сволочи еще и надувают). Я пишу Вам лишь для сведения. Я не знаю заграничных материальных дел Николая Яковлевича, не знаю его отношения к сестре, но счел нужным написать Вам, чтобы Вы могли ему рассказать. Адреса Варвары Яковлевны я не знаю, но найти можно[238].

Здесь в København ø нам хорошо. И работа чудесная. Для меня это и счастье, и возможность существования, и школа, и оправдание, и сама жизнь.

Потом 4 и 9 ноября Praha. 19 ноября Wien и т. д. (Не раз Англия, Варшава, Вена, Praha, весной снова милый Kobenhagen).

---

235 Владимир Рудольфович Фогель (1896–1984) — композитор российского происхождения. Учился и жил в Германии, Франции, Бельгии, Англии, Швейцарии. В своих композиторских работах стремился к синтезу речи и пения.

236 Малько имеет в виду дирижера Г. Себастиана (см. сноску 126).

237 Описка Малько: Варвары Яковлевны

238 См. письмо Малько Прокофьеву от 21 сентября 1932 года (№ 16).

Здесь Боровский. Приедет играть в ping-pong. Надеюсь, Берта Израилевна ему пропишет — она хорошо играет.

От нас обоих и Вам* и ребятам очень хорошие приветы.

Ваш Малько[239]

* По ошибке Вам, читай «вам», то есть Лине Ивановне и Вам [примечание Н. А. Малько. — *Н. С.*]

Использованная литература

1. *Андроников И. Л.* Воспоминания о Большом зале // И. Л. Андроников. К музыке. М.: Советский композитор, 1992. С. 26–39.
2. *Богданов-Березовский В.* Слушая звуковой фильм (в порядке постановки вопроса) // Рабочий и театр. 1933. № 24. С. 14–15.
3. *Малько Н. А.* Воспоминания. Статьи. Письма // общ. ред. Л. Н. Раабена, сост. и автор примеч. О. Л. Данскер. Л.: Музыка, 1972. 383 с.
4. *Малько Н.* Основы техники дирижирования / пер. с англ. Б. А. Малько. М.-Л.: Музыка, 1965. 219 с.
5. *Море С.* Глазами друга // Сергей Прокофьев. Статьи и материалы / сост. и ред. И. В. Нестьев и Г. Я. Эдельман. Изд. 2, доп. и перераб. М.: Музыка, 1965. С. 371–378.
6. *Набоков В.* Пьесы / сост., вст. ст. и коммент. И. Толстого. М.: Искусство, 1990. 287 с.
7. *Прокофьев С. С.* Дневник: в 3 т. Ч. 1: 1907–1918. Париж: Serge Prokofiev Estate, 2002. 812 с.
8. *Прокофьев С. С.* Дневник: в 3 т. Ч. 2: 1919–1933. Париж: Serge Prokofiev Estate, 2002. 890 с.
9. С. С. Прокофьев и Н. Я. Мясковский. Переписка / сост. М. Г. Козлова, Н. Р. Яценко. М.: Советский композитор, 1977. 600 с.
10. *Ростропович М. Л.* Встречи с С. С. Прокофьевым // С. С. Прокофьев. Материалы. Документы. Воспоминания. М.: Государственное музыкальное издательство, 1961. С. 471–479.
11. *Эйзенштейн С. М.* Из лекций о музыке и цвете в «Иване Грозном» // С. М. Эйзенштейн. Избранные произведения в шести томах. Т. 3. М.: Искусство, 1964. С. 591–610.
12. *Malko B.* Memoires of the Friendship: from the journals of Berthe Malko / transl. and publ. by G. Malko // Three Oranges Journal. No. 16 (May 2008). P. 3–8.
13. *Malko N.* A Certain Art / transl. and introd. article by G. Malko. New York: W. Morrow. 1966. 235 p.
14. *Mann N.* Prokofiev's 1935 Recordings // Three Oranges Journal. No. 6 (November 2003). P. 2.
15. *Nice D.* Prokofiev: From Russia to West, 1918–1935. New Heaven and London: Yale University Press, 2003. XVI, 390 p.

Получено: 1 апреля 2022 года
Принято к публикации: 19 ноября 2022 года

Об авторе:

Наталия Павловна Савкина — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории русской музыки Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

239 ID:SPA_12126.

References

1. Andronikov, Irakliy L. 1992. "Memories about the Great Hall." In Idem. *K muzyke* [To Music], 26–39. Moscow: Sovetskiy kompositor. (In Russian).
2. Bogdanov-Berezovskiy, Valerian M. 1933. "Listening the Sound Film (Posing the Question)." *Worker and Theater*, issue 24, 24–25. (In Russian).
3. Malko, Nicolai A. 1972. *Vospominaniya. Stat'i. Pis'ma* [Memories. Articles. Letters], edited by Lev N. Raaben, compiled and annotated by Ol'ga L. Dansker. Leningrad: Muzyka. (In Russian).
4. Malko, Nicolai A. 1965. *Osnovy tekhniki dirizhirovaniya* [Fundamentals of the Technic of Conducting], transl. from English by B. Malko. Moscow and Leningrad: Muzyka.
5. Moreau, Serge. 1965. "Glazami druga [By the Friend's Eyes]." In *Prokof'ev. Stat'i i materialy* [Prokofiev. Articles and Materials], compiled and edited by Israel V. Nestiev and Georgiy Ya. Edelman, 371–78. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Muzyka. (In Russian).
6. Nabokov, Vladimir V. 1990. *P'esy* [Plays], edited and commented by Ivan N. Tolstoy. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
7. Prokofiev, Sergei S. *Dnevnik, 1907–1918* [Diary, 1907–1918], in 3 vols., 1st part. Paris: Serge Prokofiev Estate, 2002. (In Russian).
8. Prokofiev, Sergei S. *Dnevnik, 1919–1933* [Diary, 1919–1933], in 3 vols., 2nd part. Paris: Serge Prokofiev Estate, 2002. (In Russian).
9. Kozlova, Miral'da G., and Nina R. Yatsenko, ed. 1977. *S. S. Prokof'ev i N. Ya. Myaskovskiy. Perepiska* [S. S. Prokofiev and N. Ya. Myaskovsky. Correspondence]. Moscow: Sovetskiy kompozitor. (In Russian).
10. Rostropovitch, Mstislav L. 1961. "Vstrechi s Prokof'evym [Encounters with Prokofiev]." In *Materialy, documenty, vospominaniya* [Materials. Articles. Memoirs], edited by Semen I. Shlifshtein, 471–79. Moscow: Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo. (In Russian).
11. Eisenstein, Sergei M. "From the Lectures about Music and Color in 'Ivan Terrible'.' In Idem. *Izbrannye proizvedeniya v shesti tomakh* [Selected Works in Six Volumes], vol. 3, 591–610. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
12. Malko, George, ed. 2008. "Memories of the Friendship: From the Journals of Berthe Malko," translation and publication by George Malko. *Three Oranges Journal*, no. 16 (May), 3–8. http://sprkfv.net/journal/three16/memories1.html.
13. Malko, Nicolai A. 1966. *A Certain Art*, translation and introductory article by George Malko. New York: W. Morrow.
14. Mann, Noëlle. 2003. "Prokofiev's 1935 Recordings." *Three Oranges Journal*, no. 6 (November), 2. http://sprkfv.net/journal/three06/1935recordings.html.
15. Nice, David. 2003. *Prokofiev: From Russia to West, 1918–1935*. New Heaven and London: Yale University Press.

Received: April 1, 2022
Accepted: November 19, 2022

Author's Information:

Nataliya P. Savkina — Ph.D. (Art Studies), Associate Professor at the Russian Music History Subdepartment, Tchaikovsky Moscow State Conservatory